

В. АНДРЕЕВСКАЯ
КРАСНОЕ
СОЛНЫШКО

ИЗДАНИЕ Г. КНЕБЕЛЬ МОСКВА

Варвара Павловна Андреевская

Красное солнышко

Двенадцатилетний Миша живет со своей матерью Марией Ивановной в небольшой комнатке, которая служит им и спальней и гостиной и кухней. Мать целыми днями работает швеей, а Миша учится в гимназии и изучает плотницкое ремесло, мечтая поскорее подрасти и начать помогать матери.

Однажды в город приезжает цирк...

Варвара Андреевская

Красное солнышко

Красное солнышко

I. Первый заработок

На церковных часах небольшого уездного города Р... пробило три; в школах окончились уроки и толпы детей различного возраста стали с шумом расходиться в разные стороны. Девочки-гимназистки шли медленнее, говорили тише, хотя в общем все-таки порядком шумели, а что касается мальчиков — то они точно наперегонки быстро сбегали с лестницы, толкали друг друга, дергали за рукава, за ремни ранца и громко разговаривали.

— До свиданья!

— Заходи ко мне; вместе будем готовить уроки.

— Помни, что я сказал.

— Хорошо, да, да... — слышалось отовсюду.

Затем раздавался веселый, беззаботный смех; все это смешивалось в один общий гул,

который, в конце концов, замирал по мере того, как мальчики расходились. Последним из подъезда гимназии вышел мальчуган лет двенадцати; он тоже был одет в гимназическую форму, тоже за плечами у него был ранец и с первого взгляда он, казалось, ничем не отличался от остальной компании, но стоило только к нему повнимательнее присмотреться, чтобы сразу решить, что этот ребенок, или — уже знаком с различными житейскими невзгодами, или — болен. Щеки его были бледны, движения — вялы, медленны, глаза смотрели как-то невесело, а об улыбке не было и помину.

Он шел тихим, мерным шагом, и не только не старался догнать товарищей, а даже, как будто нарочно старался отстать от них. Завернув в ближайший переулок, он прошел его почти до конца, отворил калитку низкого, двухэтажного серого домика, вошел в дом, и с усталым видом начал подниматься по узкой и довольно грязной лестнице. Лестница эта привела к двери; где был прибит клочок белой бумаги с надписью: *"шью верхние дамские вещи, портниха Кобозева"*. "Едва ли мама

успела вернуться" — проговорил про себя мальчик и, засунув руку в отверстие между стеной и косяком, достал оттуда ключ.

В отсутствие хозяев ключ всегда хранился там: это было условленное место, так как, по недостатку средств, Мария Ивановна (мать

мальчика) прислуги не держала. Громко щелкнул замок, когда Миша, так звали мальчика, вложил в него ключ, еще громче скрипнула дверь на заржавленных петлях, и сейчас же сама собою захлопнулась, так как на ней, в виде блока, висел тяжелый камень, обшитый в суровое полотно.

— Как здесь душно! — проговорил Миша, — открыть разве форточку? Нет, нельзя, тепло выпустишь... Дрова — денег стоят...

И он начал молча раздеваться.

В комнате действительно было душно; она была не велика, и, если можно так выразиться, заключала в себе целую квартиру; вдоль одной из стен стояли две кровати — матери и сына; у окна помещался стол, в углу — посудный шкаф — это называлось столовой; у противоположной стены стоял диван и два мягких кресла — то была гостиная, и, наконец, за занавеской находилась скрытая от взора посетителей плита, кухонный стол и полки с разной посудой. Обстановка, конечно, более чем скромная, но тем не менее, на ней лежал отпечаток чистоты и опрятности.

Сняв с себя ранец, Миша положил его на

столик, который стоял между постелями, затем подошел к плите, развел огонь и начал готовить обед; это была его всегдашняя обязанность, так как мать, работавшая в мастерской дамских нарядов, обыкновенно возвращалась домой часа через два-три после него, иногда даже позднее. Миша же слишком горячо любил мать для того, чтобы заставлять ее хлопотать после долгой работы в мастерской.

В шкафу лежала заранее купленная провизия; Миша достал ее, разложил на столе и, подвязав поверх гимназической рубашки кухонный передник, живо преобразился в повара; дело кипело у него в руках, и в скором времени суп и разварной картофель к суповому мясу были готовы. Миша отставил то и другое к сторонке, погасил огонь и, только что успел накрыть стол, как услышал стук хлопнувшей на дворе калитки.

— Мама идет! — крикнул он на всю комнату, и со всех ног бросился к выходной двери.

— Мамочка, ты? — спросил он, перевесившись через перила.

— Я, сынок, я! — отозвалась снизу Мария

Ивановна.

— О, да ты кажется несешь узел?

— Несу, но он не тяжелый.

Не успела Мария Ивановна и глазом моргнуть, как Миша уже очутился около нее, стараясь взять из ее рук узел, который оказался далеко не легким, и в котором находилось дамское драповое пальто, взятое для переделки.

— Здравствуй, голубчик, — ласково сказала она сыну, — я очень рада, когда ты меня встречаешь, но я не люблю давать тебе носить мои вещи; ты и без того такой бледный, слабенький... Сначала в школе сидишь за уроками, а потом дома работаешь, точно я этого не вижу...

— Перестань, мама! Сегодня, например, я в школе почти ничего не делал.

— Каким образом?

— Очень просто; учитель немецкого языка не пришел, и вместо него мы занимались — как ты думаешь, чем?

— Не знаю.

— Гимнастикой.

— Гимнастика — это тоже своего рода ра-

бота.

— Но это так легко, так забавно... Представь, я лазил лучше всех, учитель не мог мною нахвалиться.

— Вот как!

— Вот видишь, мамочка, какой я молодец!

Незаметно мать и сын добрались до второго этажа и вошли в комнату.

— У тебя и обед, кажется, готов, — продолжала Мария Ивановна и, развязав узел, бережно повесила пальто на гвоздь.

— Видишь, мамочка, какой твой повар аккуратный.

— Кроме того, он хорошо стряпает и я ем его стряпню с большим аппетитом.

Миша самодовольно улыбнулся.

— Что это за пальто? — спросил он после минутного молчания.

— Его надо немного переделать; это пустяки, я сделаю в два-три вечера.

— Значит, вместо отдыха, ты опять засядешь за работу?

Мария Ивановна кивнула головой.

— Вечно-то ты, моя дорогая, работаешь... Ведь, наконец, это уже просто невозможно,

просто...

— Без работы скучно, — перебила Мария Ивановна, — да и заработок нужен.

— Вот это-то и заставляет тебя трудиться; ты одна все делаешь!..

— Как одна? А ты разве не помощник?

— Какой я помощник! Хороша от меня помощь! — засмеялся Миша.

— Если бы не ты, то, вернувшись домой с работы, мне и поесть было бы нечего, или пришлось бы самой готовить, а теперь я сижу барыней.

— Ну что, это пустяки; а вот ты, мамочка, скажи откровенно, начинаешь ли мириться с нашим помещением; оно тебе в начале так не нравилось! — Мария Ивановна махнула рукой.

— Про это говорить не стоит, за наши деньги мы не можем требовать ничего большего; лучше расскажи мне ваши гимназические новости, я так люблю их слушать.

— Что тебе рассказать?

— Что-нибудь.

— Разве про сегодняшний урок гимнастики?

— Пожалуй.

— Учитель гимнастики у нас новый; страшный весельчак! Он каждому дает прозвище: кого "курицей" назовет, кого — "кошкой", кого — "майским жуком", кого — "белкой", кого — "улиткой". И так это выходит у него забавно да метко, что просто прелесть!

— Какое же прозвище он тебе дал? Ведь ты по части лазанья всегда был одним из первых, даже когда был совсем маленький.

— Он прозвал меня "двуногой белкой", несколько раз похвалил, ставил в пример остальным... Ну, да зато я и старался... из кожи вылезал...

— Вот, этого-то делать и не следовало; у тебя слишком слабая грудь...

И Мария Ивановна ласково взглянула на сына.

— Ты сегодня бледен; верно, нездоровится, — добавила она, присаживаясь к столу.

— Да, нет же, мамочка, даю слово, я совсем здоров, а уж коли хочешь знать правду, — я, мамочка, очень устал! Как только ты ушла из дома, я сейчас же понес твою работу в магазин, да не застал старшего приказчика и мне

пришлось с узлом в руках дожидаться более часа... Домой идти не хотелось, далеко, да и узел больно тяжел, сесть — никто не предложил... Стоял, стоял, переминался с ноги на ногу, до того, что даже дурно сделалось.

— Бедный ты мой мальчик! И долго пришлось тебе ждать?

— Да, приказчик пришел часа через полтора, если не позднее; стал разглядывать твою работу: "тут, говорит; пуговицы не на месте посажены; тут надо ушить... тут выпустить"... И пошел, и пошел... вынул из кармана мел, пометил, где что надо сделать, сунул мне в руки узел и вытолкнул за дверь... Делать нечего, поплелся я опять домой, и только что успел придти, как смотрю, уже девять... Через пол-часа надо в класс идти... о том, чтобы выпить стакан чаю, нечего было и думать... Достал я из шкафа кусок черного хлеба, по дороге съел его... конечно, этого было мало... больно уж проголодался... От того-то я и бледен; после обеда все пройдет.

Мария Ивановна внимательно слушала мальчика, и чем он больше говорил, тем лицо ее становилось все печальнее и печальнее.

Тяжело было ей видеть, какую тяжелую жизнь приходится вести маленькому Мише с самого раннего детства... Не знать тех радостей, которые приходятся на долю остальных детей, и преждевременно сталкиваться со всеми невзгодами!.. При жизни мужа Марии Ивановны, они никогда не терпели нужды, и хотя отец Миши был простой ремесленник, но, тем не менее, зарабатывал всегда достаточно, что-бы доставить семье не только все необходимое, а подчас даже и кое-что лишнее... Всегда веселый, всегда как бы даже беззаботный, он, в свободные от работы часы, или в минуты досуга, перед обедом, любил поиграть с Мишей. Миша в ту пору был совсем, совсем крошечный; посадит его, бывало, к себе на плечи, и, с трубкой в руке, начинает подплясывать, насвистывая казацкие песни (он по происхождению был казак). Миша припадет белокурой головкой к его голове, слушает, улыбается... И так то ему весело... так то хорошо... Так радостно... Мария Ивановна сидит тут же за шитьем, и, глядя на них, улыбается.

Как сон, — далекий... приятный сон — со-

хранилось все это в памяти Миши... Какая мама тогда была молодая, красивая... а теперь?!

Теперь она всегда такая грустная, а ведь времени с тех пор прошло вовсе немного... Какие-нибудь 6–7 лет, но много горя да нужды выпало за это время на долю Марии Ивановны.

Лишившись мужа, она сосредоточила на Мише всю свою любовь, всю привязанность; да, по правде сказать, трудно было и не любить его; он совсем не походил на остальных детей его возраста; большинство детей любит ломать игрушки, не бережет их, для Миши же, напротив, не было большего удовольствия, как чинить старые игрушки, которые попадали к нему от знакомых детей, и то, что эти дети выкидывали, как негодное, он тщательно подбирал, исправлял и берег, словно драгоценность какую; чем больше подрастал мальчик, тем лучше выходила у него такая работа.

Среди знакомых он даже приобрел некоторую известность. У кого бы что ни полома-лось, ни попортилось, каждый шел к нему с просьбой помочь беде... И вот он сначала при-

мется внимательно рассматривать поломанную вещь со всех сторон, а потом объявлял, можно ли починить эту вещь, или нет. А если уже Миша уверял, что ее никак нельзя починить, значит, уж действительно ничего нельзя было сделать.

Когда Миша был совсем маленький, Мария Ивановна, когда ей приходилось уходить на работу, оставляла его одного, и была совершенно покойна, что Миша не выкинет никакой глупой шалости, и только заботилась о том, чтобы приготовить для него покушать.

Однажды она случайно вернулась домой раньше обыкновенного, но Миши не было дома, а весь приготовленный для него обед стоял на столе нетронутым.

— Господи, помилуй! Где он? Что с ним случилось! — воскликнула Мария Ивановна, всплеснув руками и, позабыв о собственной усталости, как безумная выбежала на лестницу спросить соседей, не видал ли кто ее мальчика?

— Он скоро вернется, — спокойно отвечала ей жена башмачника, жившего на одной площадке с нею.

— Вы знаете, куда он ушел?

— Нет.

— Так почему же вы думаете, что он скоро воротится?

— Потому, что он каждый день уходит из дому в это время; иногда раньше, иногда позднее, но возвращается всегда в одни часы.

— Что вы говорите? Неужели! Где же он бывает?

— А вы разве этого не знали?

Мария Николаевна отрицательно покачала головой.

— Ну вот, — значит, я выдала его секрет; пожалуй, Миша на меня за это рассердится.

— Не думаю, — продолжала Мария Ивановна, улыбаясь, — я уверена, что Миша никогда не сделает ничего дурного, да вот, кажется, я как раз слышу его голос на лестнице.

И, отворив дверь, она действительно увидела своего дорогого, маленького Мишуту.

— Мамочка, ты уже дома? Что так рано? — спросил он Марию Ивановну.

— Так пришлось, Миша, раньше справилась с работой, а где же ты был и почему ничего не кушал? Твой обед стоит нетронутым.

— Я почти каждый день ухожу без тебя, только большей частью после обеда.

— Но куда же, Миша, ты уходишь и зачем?

— Хожу к знакомым столярам, плотникам.

Мария Ивановна с изумлением посмотрела на мальчика.

— Зачем?

— Чтобы присмотреться, как они работают, и самому научиться так же работать; пойдем, я покажу тебе, какие интересные штучки из дерева они мне надали.

Взяв за руку мать, он ввел ее в комнату и, вынув из стоявшей за кроватью корзины множество деревянных обрезков различной величины и формы, с сияющей от восторга физиономией высыпал все перед нею.

— А вот тут, мамочка, лежат у меня начатые самим работы из дерева, — добавил он, достав оттуда же другую корзинку, наполненную различными дощечками и чурками, — это будет игрушечный шкаф, игрушечный столик, а это — колясочка. Сегодня я целый день сидел у столяра Максима, все смотрел, как он вытачивает фигурки из дерева... Скоро я и сам буду такие же вытачивать...

— И ты до сих пор не обедал? — перебила Мария Ивановна.

— Максим угостил меня похлебкой и гречневой кашей, я совершенно сыт...

Подобные визиты к различным мастерам стали излюбленным занятием Миши, он ко всему присматривался, все изучал, обо всем спрашивал, и в конце-концов научился мастерить все, что только ему хотелось, или что ему заказывали.

Мария Ивановна не могла нарадоваться на своего сынишку, и в свободное от работы время любила рассматривать его произведения. Чего-чего только у него не было! И игрушечная кузница, устроенная в старом сигарном ящике, и целый ряд домиков из пустых спичечных коробок, которые он ставил на дощечки, склеивал, прорезал перочинным ножом двери, окна, приделывал балконы, крышу, трубы, а на одном из таких домиков даже пристроил флаг, так как этот домик предназначался для богатого графа, вырезанного из бумаги и разрисованного разноцветными карандашами. Графа он прилепил к балкону и перед ним поставил маленький бумажный

СТОЛИК.

Чем старше становился Миша, тем замысловатее становились и его работы; один раз ему удалось каким-то способом раздобыть старый, поломанный велосипед, в сущности никуда уже негодный, — и что же? потрудившись над ним, положим, около трех месяцев, он все-таки исправил его настолько, что можно было на нем кататься; все эти работы не мешали ему заниматься и уроками, когда он подрос настолько, что мать отдала его сначала в городскую школу, а потом в гимназию, где он скоро сделался общим любимцем не только товарищей, но и учителей.

Присев к обеденному столу, мать и сын несколько времени кушали молча; Мария Ивановна искоса поглядывала на возвращенную ей из магазина работу и, видимо, казалась опечаленною. Миша это заметил.

— Мамочка, ты, кажется, огорчена тем, что мастер прислал назад работу? — заговорил, наконец, Миша, ласкаясь к матери.

— Конечно, это не может быть приятно, тем более, что это несправедливо; я давно уже заметила, что старший приказчик мага-

зина ко мне придирается... Он хочет пристроить на мое место свою родственницу и употребляет все усилия к тому, чтобы вынудить хозяина отказать мне.

— Но неужели хозяин послушает его? — возразил Миша.

— Бог знает, дружок; все возможно.

С этими словами она встала из-за стола и снова собралась уходить на работу до вечера, а Миша, проводив ее, принялся прибирать и перемывать посуду; затем, когда то и другое было сделано, он достал свои плотничьи инструменты и начал сколачивать взятый для починки у соседа ящик, за что ему обещали маленькое вознаграждение.

Усиленно работая руками, мальчуган в то же время работал и головой; видя, что мать постоянно трудится, чтобы заработать на необходимые ежедневные расходы, он решил, со своей стороны, помочь ей. Но как? Каким способом? С чего начать? — спрашивал он сам себя, и, опустив молоток, задумался.

— О чем ты так задумался? — раздался вдруг позади его детский голос. Он обернулся и увидел на пороге одного из своих школь-

ных товарищей, Леву Дворжицкого.

— Здравствуй! — сказал он, протягивая ему руку.

— Что ты сидишь, точно в воду опущенный? — спросил Лева.

Миша смутился, но скоро оправился и отвечал уже совершенно покойно:

— Да вот не знаю, как крышку к ящику приделать, чтобы удобнее открывалась.

— Ну, это меня мало интересуется, да я и не имею ни малейшего понятия о плотничьем мастерстве; лучше слушай, что я сейчас тебе скажу.

Миша опустил на пол гвоздь, который только что собирался вколотить в ящик, и вопросительно взглянул на товарища.

— Отец с матерью решили отправить меня в Москву к дедушке... — заговорил между тем Лева слегка дрожащим от волнения голосом, — дедушка поместит меня в гимназию... Я буду жить у него... Это все, конечно, очень хорошо и приятно, дедушка меня любит, я его тоже, но на кого я оставлю моего зайчика "Орлика" и голубка "Красавчика"? Мама говорит, что ей нет времени за ними ухаживать, а от-

ца я даже и просить об этом не смею, он не любит животных и после моего отъезда, наверное, в один прекрасный день, зайку убьют и зажарят, а голубка скормят кошкам! Это ужасно... ужасно!..

— Конечно, ужасно, — повторил Миша, сам готовый расплакаться, — что же ты думаешь делать?

— Я пришел просить тебя, голубчик Миша, не возьмешь ли ты их к себе, хотя на время, а там, когда я приеду на Рождество, то, может быть, возьму их с собой, если дедушка согласится: он, говорят, большой охотник до зверей вообще, а уж коли зверей любит, то и голубю в приюте не откажет, тем более, что, как я слышал, квартира у него большая; возьми, голубчик Миша; прокормить их недорого; голубку размочишь корочку хлеба в воде, — вот ему на день и достаточно, а зайке обрезки моркови, картофеля, да несколько капустных листов.

— Не в том дело, Лёва, я знаю, что прокормить их пустяки, да, кроме того, я так люблю животных, что с удовольствием готов сам просидеть полуголодный, лишь бы они были

сыты, но... куда их поместить? Ведь здесь в комнате уже положительно нет места.

— Понятно, здесь в комнате нечего и думать поместить их.

— А то куда же? У вас они живут в сенях, а у нас сени общие, наружная лестница никогда не запирается; еще, пожалуй, украдут или попадут в руки уличным мальчишкам, пока меня нет дома.

— Правда, — согласился Лёва и, печально склонив голову, задумался.

Несколько минут продолжалось молчание.

— Разве вот что, — воскликнул вдруг Миша, — нельзя ли устроить их на чердаке? Там, кажется, есть такой укромный уголок, куда никто не ходит. Для голубя я смастерю что-нибудь вроде клетки, чтобы кошки не могли до него добраться, а зайчику устрою шалашик из какого-нибудь старого ящика, там на чердаке их много валяется; ведь им не будет холодно, не правда ли?

— Нисколько; в сенях, где они теперь помещаются, холоднее.

— Тогда и толковать нечего; пойдём сейчас же на чердак, посмотрим, удобно ли им

будет, и если да, то с завтрашнего же дня, вернувшись из гимназии, я примусь за устройство помещения моим будущим квартирантам.

— О, ты наверное сумеешь устроить их прекрасно!

— Сумею или нет, не знаю; но во всяком случае постараюсь.

Лёва вместо ответа бросился целовать товарища, и затем они оба побежали на чердак, где вопрос о водворении зайчика и голубя скоро был окончательно решен.

— Миша, а главное то мы с тобой и забыли! — воскликнул вдруг Лёва дрожащим от волнения голосом, когда они вернулись обратно в комнату и Миша снова взялся за молоток, чтобы вколачивать гвозди в ящик, который теперь спешил скорее окончить, думая немедленно приступить к устройству помещения для неожиданных жильцов.

— Что же могли мы забыть? — отозвался Миша.

— Спросить разрешения твоей матери.

— Нет, Лёва, об этом я подумал бы прежде всего, если б заранее не был уверен в ее согла-

сии; мама любит животных и будет баловать их не меньше меня, если еще не больше.

— Ну, тогда, значит, все хорошо.

— Кроме того, еще одно обстоятельство.

— Относительно чего?

— Относительно их же.

— А что?

— Ты знаешь, они оба — и зайка и голубь у меня ведь не простые, а дрессированные; с ними надо хоть полчаса в день позаняться, иначе они все перезабудут... а у тебя каждая минута на счету...

— Это ничего; на все хватит времени, раз желание есть. Собирайся с Богом в путь-дорогу, поступай в московскую гимназию, и будь совершенно покоен за судьбу твоих маленьких друзей; я на этих же днях зайду к тебе посмотреть, как ты их дрессируешь, чтобы потом точно также дрессировать их самому.

Лёва еще раз поблагодарил Мишу и ушел домой, совершенно успокоившись, что его питомцы остаются в верных руках; что касается Миши, то он с восторгом думал о том, какое развлечение будут доставлять ему его новые жильцы, и ждал с нетерпением возвра-

щения матери, чтобы скорее ей обо всем сообщить, заранее зная, что она согласится.

День, между тем, давно склонился к вечеру; Миша зажег небольшую, жестяную лампочку, и еще усерднее принялся вколачивать гвозди в крышку ящика; ему хотелось во что бы то ни стало скорее кончить ее, чтобы засесть за приготовление уроков и с завтрашнего дня, по приходе из школы, начать новую, интересную работу. Стенные часы пробили девять; с последним ударом их он вбил последний гвоздь.

— Ура! — радостно воскликнул мальчик и потащил ящик к соседу, откуда, несколько минут спустя, вернулся вполне довольный, держа в руках два двугривенных — это был его первый заработок... О, с каким удовольствием подкидывал он на ладони эти два двугривенных и с какою гордостью передал их потом матери!

II. Красавчик и Орлик

На следующий день Миша проснулся ранее обычного, во-первых, потому, что как то не спалось, а, во-вторых, и главное, по-

тому, что не успел накануне справиться с уроками; слишком уже утомила его продолжительная работа над ящиком. Мария Ивановна еще спала. Тихонько встав, он посмотрел на ее утомленное, бледное, со впалыми глазами лицо.

Тоскливо заныло его сердечко... Жаль ему стало бедную маму, вся жизнь которой проходила в постоянном, непосильном труде... Вот он вчера один день посидел, не разгибая спины, и то устал, а она, несчастная, всегда так, изо дня в день, и вчера, и сегодня, и завтра, и после завтра.

"Нет, я должен, найти себе какую-нибудь работу, — думал он. — Я должен о ней заботиться... Кроме меня, у мамы ведь никого нет... Если бы папа был жив, разве стала бы она так работать? Конечно, нет! Я обязан заменить его... Ведь я мужчина!.. Господи! Скорее бы мне стать большим!" — проговорил он почти вслух, но настолько, однако, тихо, что Мария Ивановна ничего не слыхала.

Тихонько, крадучись, как вор, пробрался он к столу; достал чернила, перо и тетрадку, и сел решать задачи. Так как после сна голова

его была свежа, и он больше не чувствовал усталости, то он быстро решил ее, успев даже, прежде чем идти в гимназию, приготовить для матери кофе и сбегать в булочную за сухарями. Когда он вернулся из булочной, Мария Ивановна уже встала.

— Ну, что, мамочка, как дела? — спросил он ее, поздоровавшись с нею, — говорил тебе приказчик что-нибудь о возвращенной работе?

— Конечно, говорил, — отвечала Мария Ивановна.

— Сердился?

— Сказал, что еще одно замечание с его стороны, и я могу придти за расчетом... А он делает мне несправедливо замечания и находит ошибки там, где их вовсе нет.

— Хоть бы мне-то скорее подрасти, а то тебе приходится еще обо мне заботиться.

— Перестань, Миша; перестань говорить пустяки! Разве может матери быть тяжело заботиться о родном сыне, да еще таком хорошем, как ты?..

— Да ведь меня и одеть надо, и накормить, и в гимназию деньги внести, и книги поку-

пать...

— И еще что?.. И еще что? — шутливо продолжала Мария Ивановна, закрывая рот мальчика ладонью.

Миша засмеялся, на лету поймал руку матери, крепко поцеловал и, взглянув на часы, начал собираться уходить в гимназию.

— Провизию для обеда сама купишь? — спросил он Марию Ивановну, остановившись в дверях уже совсем одетый.

— Сама; я знаю, что у моего повара на это времени не хватит, хотя закупки у нас небольшие; а ты когда думаешь сходить к Лёве познакомиться с его зверьками?

— После обеда, иначе нельзя; повар должен обед готовить.

— Но, может быть, мы сегодня пообедаем так, в сухомятку: чаем, колбасой, вареными яйцами?..

— Почему? — удивился Миша.

— Я знаю, что тебе очень хочется скорее побывать у Лёвы, а тут надо возиться с обедом.

— Это ничего не значит. Я не хочу, чтобы ты осталась полуголодная... Нет, уже этого не

было и не будет, — добавил он, и сейчас же скрылся за дверью.

Мария Ивановна молча посмотрела ему вслед; на глазах ее навернулись слезы.

— В тягость! Еще он говорит; да разве такое красное солнышко может быть в тягость! — промолвила она вслух, — разве без него я могла бы и жить... и работать!.. После смерти моего мужа я живу только для него; я люблю его больше всего на свете... Живу им... Он мое — красное солнышко... Моя радость, моя надежда... Мое счастье!

С этими словами Мария Ивановна тоже начала собираться; вышла на лестницу, заперла дверь, положила ключ на обычное место и торопливо направилась в магазин верхнего дамского платья, где как мы уже знаем, ей приходилось просиживать за работой с утра до ночи.

Миша, между тем, давно уже успел придти в гимназию. Первый встретившийся там ему товарищ был Лёва, который, очевидно, сторожил его.

— Ну, что? — тревожно спросил он его вполголоса, так, чтобы другие не слышали. —

Что сказала твоя мать относительно зайки и голубя?

— Да, ведь, я тебе еще вчера говорил, что мама, конечно, согласится... Она сегодня даже предлагала остаться без обеда, чтобы я мог пораньше придти к тебе, да я сам не согласился; она так много работает не только днем, а иногда и ночью, что ей необходимо поддерживать силы, если не сном, то хотя бы пищей.

— Добрая, хорошая Мария Ивановна, дай ей Бог здоровья за то, что она так хорошо относится к моим зверкам! Я их очень, очень люблю и ни за что бы с ними не расстался, если бы не был уверен, что они остаются в хороших руках; но знаешь, что, Миша? Отец очень торопится отправить меня в Москву; в конце будущей недели я должен обязательно принести к тебе твоих жильцов.

— Очень рад.

— А помещение успеешь им приготовить?

— Успею; и если удастся выполнить все, как задумал, то, кажется, выйдет не дурно. Однако, мы с тобой заболтались; смотри-ка, все уже пошли в классы.

— Да, правда; пойдём скорее, пожалуй,

учитель заметит и еще оставит в гимназии до вечера в наказание.

— Это уже будет совсем плохо.

— Особенно теперь; пойдем же, пойдем скорее.

Взявшись за руки, мальчуганы чуть не бегом ворвались в класс, куда, секунду спустя после их прихода, пришел и учитель.

Миша на этот раз ожидал с нетерпением конца классов; да оно и неудивительно: ему столько дела предстояло сегодня: во-первых, по обыкновению, заняться стряпнею, во-вторых, прибрав посуду после обеда, сбегать к Лёве, познакомиться с зайкой и голубем; в-третьих, приготовить уроки к завтрашнему дню и, в-четвертых, если еще не приступить к постройке, то, по крайней мере, подыскать необходимый материал для постройки, который он на днях случайно видел на чердаке.

Но вот, наконец, пробило три часа, раздался звонок, и шумная толпа гимназистов разом хлынула из дверей. Миша, как всегда, старался выйти последним, чтобы не участвовать в общей сутолоке; придя домой, он даже приготовлением обеда занимался рассеянно

и чуть было не насыпал в суп вместо соли мелкого сахара; раньше стряпня забавляла его, сегодня же, наоборот, казалась очень скучной. Зато с какой радостью и как поспешно побежал он к Лёве, когда все домашние дела оказались оконченными.

Лёва жил довольно далеко, почти на противоположном конце города, но Миша, увлекшись своими думами, не замечал расстояния и мчался с быстротою молнии.

— Здравствуй, Лёва, — окликнул он товарища вбежав к нему в комнату.

— Здравствуй! Что ты так запыхался?

— Слишком быстро шел.

— А я давно тебя поджидаю.

— Нельзя было раньше; дома дела задержали... Только сейчас успел все кончить.

— Знаю... знаю: ты ведь и повар, и судомойка, и столяр, и маляр.

Миша улыбнулся.

— Одним словом, на все руки, — продолжал Лёва.

— Ну, пойдём однако, к моим любимцам, они уже нас дожидаются.

И он ввел Мишу в небольшой чуланчик,

где, прижавшись в уголке и грациозно встав на задние лапки, стоял прелестный, беленький зайчик, с бледно-розовым носиком и такой же как бы подкладкой под пушистыми белыми ушками.

— Орлик, сюда! — подозвал его Лева.

Зайка моментально встал на все четыре лапки и в два прыжка приблизился к Лёве.

— Под козырек! — скомандовал Лёва.

Зайка снова встал на задние лапки, вытянулся в струнку и одну из передних приложил к уху.

— Довольно; теперь покажи нам, как старые бабы ходят в лес за ягодами!

С этими словами Лёва перекинул ему через плечо корзиночку; зайчик согнул спину, медленно заходил взад и вперед, и от времени до времени наклонялся к полу, как бы что-то поднимая.

Миша, глядя на все эти проделки, положительно пришел в восторг.

— Что, хорошо? — спросил Лёва.

— Восхитительно; как только удалось тебе

его выучить?

— Терпением взял, ласкою; уверяю тебя, ни разу не бил... Вот потому-то и боюсь, чтобы он всего не перезабыл; как ни говори, а для того, чтобы выучить, труда приложено не мало... Ну-ка, попробуй при мне проделать то

же самое, а я сяду в стороне.

Миша не заставил себе повторить и остался очень доволен, когда Орлик во всем, беспрекословно его слушался.

— Теперь перейдем к Красавчику, — сказал Лёва, сделав зайке знак, что он может удалиться.

При слове "Красавчик" изящный, белый голубок, твердо знавший свою кличку, моментально вспорхнул к нему на плечо и начал осторожно тыкать клювом прямо в щеку.

— Здравствуй, здравствуй! Ты здороваешься со мною, целуешь меня... Здравствуй, мой дорогой... Как поживаешь? — Голубок в ответ принялся порхать по всем направлениям чулана.

— Вижу, что тебе весело живется, — продолжал Лёва, — но вечно веселиться нельзя; покажи-ка нам, как скучают маленькие дети, когда их, в наказание за капризы, оставляют без пирожного.

Голубок опустился на пол и остался недвижим, точно он был не живой голубь, а игрушечный.

— А что должны делать дети, чтобы стар-

шие простили их? — спросил, несколько минут спустя, Лёва.

Голубок нерешительно поднялся с места, и тихонько, осторожно, переступая с ножки на ножку, точно боясь разбудить кого, подошел к Лёве и дважды приложился клювом к его руке.

— Не дурно? — снова обратился Лёва к товарищу.

— Я изумлен! — воскликнул Миша, — если бы не сам своими собственными глазами видел, то, право, не поверил бы, что можно добиться такого повинования не только от зверей, но даже от птиц!

Лёва самодовольно улыбнулся.

— Заставь его повторить, — предложил он Мише.

Повторение с "Красавчиком" оказалось также удачно, как и с "Орликом", и Миша ушел от Лёвы, совершенно очарованный, очарованный настолько, что даже не в состоянии был тотчас сесть за приготовление уроков.

Когда мать его вечером вернулась с работы, он ей подробно рассказал обо всем и даже представлял в лицах проделки своих буду-

щих квартирантов.

— Да неужели! — удивилась Мария Ивановна, слушая внимательно рассказы сына.

— Честное слово, мамочка, я ничего не прибавляю... Вот, погоди, скоро сама увидишь... Только бы мне устроить их получше, да поудобнее; как ты думаешь, на чердаке им не будет холодно?

— Едва ли; ни зайцы, ни голубки холода не боятся, и мне кажется, что если только тебе удастся смастерить для них более или менее удобное помещение, то они будут чувствовать там себя превосходно.

— Пока нет заморозков, я буду выпускать их даже на двор. Не на первый двор, где постоянно народ, а на второй, куда мусор сваливают, там никого нет.

— А ты, не боишься, что голубь улетит? — заботливо спросила Мария Ивановна.

— Я сначала спрошу Лёву; он уверяет, что "Красавчик" никогда, ни за что не улетит от того места, где находится "Орлик", — они замечательно дружны... один без другого жить не могут; мы с Лёвой об этом уже много толковали.

— Затем надо позаботиться принести для них подходящий корм; это я, пожалуй, возьму на себя, так как все равно хожу на рынок за покупками для нас, — добавила Мария Ивановна.

— Добрая, дорогая моя мамочка! — воскликнул Миша и, соскочив с места, начал душить ее в объятиях.

— Довольно... Довольно... задушишь до смерти! — смеялась Мария Ивановна, в свою очередь целуя раскрасневшегося от волнения мальчика. — Успокойся и садись за уроки, а я примусь за шитье, мы с тобою ведь люди подневольные, надо все сделать к известному сроку, — добавила она, полушутя, полусерьезно.

Миша взялся за книжку, но работа не спорилась, мысли путались, он несколько раз перечитывал одно и то же, и в конце концов, все-таки ничего не понимая, с досадой захлопнул книгу и, решив приняться за уроки позднее, отправился на чердак подыскивать необходимый материал для предстоящей работы.

Различных поломанных досок и дощечек

там оказалось множество — надо было только суметь выбрать; кому другому это могло бы показаться трудным, но Миша в данном случае отличался замечательной сметливостью; он сразу определил, какой длины и ширины требовались доски, сколько именно их надо было считать, и, отобрав все в сторону, он разделил их на две части, чтобы одну оставить пока на чердаке, а другую отнести в комнату.

Забрав последние, он стал спускаться вниз по лестнице, где ему встретился хозяин дома, человек уже немолодой и очень сердитый.

— Что ты несешь? — спросил он его, окидывая строгим взглядом.

Миша растерялся и не сразу мог ему ответить. Хозяин повторил вопрос.

— Доски, — нерешительно отвечал тогда мальчик.

— Какие?

— Старые, никуда негодные.

— Куда несешь, зачем?

— К себе в комнату; буду устраивать из них две клетки: одну для голубя, другую для зайчика, которых мне отдаст на зиму мой то-

варищ.

— Вот как! — злорадно улыбнулся старик, — где же ты предполагаешь поместить твоих новых жильцов?

— Я думал поместить их на чердаке...

— А разрешение на это от домового хозяина получил?

— Нет еще. Но я надеюсь, что вы мне не откажете, я берусь следить за чистотою, так что они не причинят вам неприятности, они такие интересные, вы их, наверное, полюбите... Зайка умеет...

— Это для меня безразлично, — перебил хозяин; — я согласен лишь в таком случае позволить тебе поместить их на чердаке, если твоя мать будет ежемесячно доплачивать к квартирным деньгам, по крайней мере, два рубля — иначе я без церемонии выкину вон твоего зайчика и голубя... Вас самих держу чуть не даром, за какие-то несчастные гроши, а вы еще выдумали зверинец у меня устраивать. Изволь не позже завтрашнего дня дать ответ относительно двух рублей и внести их тотчас вперед, слышишь?

И, не желая вступать в дальнейшие разго-

воры, злой старик удалился.

Миша несколько минут стоял с поникшей головой. Что было делать? Что предпринять! Он знал, что для матери два рубля — большие деньги... Что их взять не откуда, знал крутой нрав хозяина, знал также что зайку и голубя нельзя оставить на попечение отца Лёвы, не любившего животных.

— Что делать! Как быть! — воскликнул он громко и, решив отправиться к Лёве, вместе обсудить вопрос, сказал матери, что пойдет к нему посоветоваться насчет устройства клетки; про угрозу хозяина, и про требование приплачивать ему ежемесячно 2 руб. он ничего не сказал, не желая причинять матери лишнее беспокойство, так как она, во-первых, из любви к нему, а, во-вторых, из сострадания к животным, согласилась бы на это условие, т. е., решившись зарабатывать на два руб. больше, она просиживала бы за шитьем еще лишние часы.

Бедный мальчик вышел на улицу, совсем расстроенный... Это выражалось у него в лице, в походке, в каждом движении он шел вперед скорыми, но какими-то нетвердыми

шагами, не замечая никого и ничего... Но вот вдруг его кто-то окликнул; он обернулся и увидел в нескольких шагах от себя, маленькую, очень скромно одетую и совершенно незнакомую девочку. Она тоже казалась расстроенной и на глазах у нее виднелись слезы.

— Что тебе надобно и почему ты знаешь, что меня зовут Мишей? Я тебя вижу в первый раз, — спросил он ее с удивлением.

— Что тебя зовут Мишей, мне сказал твой товарищ по гимназии, Володя Терехов. Мы, — приезжие; остановились в доме его отца, нам нужен совет по плотничьему делу; здесь, куда мы ни обращались, никто ничего не понимает в том, что нам надобно; Володя послал меня к тебе, и даже проводил до твоей квартиры, но, увидев тебя случайно издали на улице, велел догнать, а сам пошел дальше, по своим делам... Можешь ли ты меня выслушать? Пожалуйста, не откажи, я просто в отчаянии. Хозяин опять прибьет меня, если я вернусь ни с чем.

— Говори; я все тебе с удовольствием сделаю, но пока, говоря по правде, я ровно ничего не понял.

— Неудивительно; я говорила так бестолково... Но я до сих пор не могу еще опомниться от вчерашних побоев; дело видишь ли в чем: я — бедная девочка, круглая сирота, зовут меня Гашей... Когда мои родители умерли, то крестная мать, сама женщина больная и бедная, отдала меня одному шарманщику, который обещал беречь меня, не обижать и, выдавая за собственную дочь, заставлял плясать под шарманку и петь разные песни, за что, конечно, добрые люди нам давали деньги... Так прошло целых два года. Шарманщик, правда, за все это время ни разу меня не обидел, но через несколько месяцев, он умер; тогда я перешла жить к его сестре, муж которой содержит странствующий цирк. Мы постоянно переезжаем с места на место, из города в город, иногда останавливаемся даже по деревням, чтобы давать представление, и этим зарабатываем наш насущный хлеб. С нами ездят две ученые лошадки, которые выделывают разные штуки, две дрессированные собаки, пара кроликов и египетский голубок "Коко". Из-за этого самого "Коко" хозяин вчера чуть-чуть не избил меня до смерти — пред-

ставь, я по рассеянности, насыпав ему в клетку корм, забыла прикрыть дверку; он корм то склевал, а потом взял, да и вылетел... Я пробовала словить его, но, конечно, напрасно. Где же мне, маленькой девочке, поймать птицу, которая, вырвавшись на свободу, конечно, в один миг улетела далеко? Бил он меня, бил до того, что даже кровь носом пошла; если бы не жена, так, пожалуй, совсем искалечил бы меня... Она, спасибо, силой меня вырвала и спрятала в чулане, не выпускала до тех пор, пока акробат Антоша не принес, наконец, пойманного им с большим трудом голубя... Но дело не в том, это, конечно, тебя не касается, а вот штука то какая: когда мы сегодня утром начали устанавливать на площади столбы и скреплять их стропилами, чтобы потом затянуть полотном, два стропила, во время переезда из соседнего города, совсем изломались; хозяин бился, бился, чтобы скорее исправить их, но ничего не мог поделать; послал за плотником; тот тоже только руками развел: "кабы, говорит, кто указал, я бы исполнил, а сам ничего в толк не возьму"; хозяин стал показывать, как, по его мнению, сле-

дует укрепить, а плотник в ответ говорит: "так нельзя, держаться не будет". — "Ну, так сделай, чтобы держалось, — крикнул на него хозяин. — "Укажи — сделаю!" — отвечал плотник, и дело у них чуть не дошло до потасовки. К счастью, на шум выбежал твой товарищ, Володя, и сказал, что у него есть приятель Миша, который отлично знает плотничье дело, и повел меня к тебе. Ради Бога, голубчик, не откажи; пойдем сейчас же! Хозяин и плотник ждут с нетерпением... Хозяин приказал мне передать тебе, что если ты нам поможешь, то он сейчас же даст тебе не меньше двух рублей; так как, если полотно не будет натянуто завтра утром, то мы потеряем вечер и потерпим убытки... Если ты не пойдешь сию минуту со мною, он опять начнет колотить меня, а я и без того вся избита... Каждая косточка болит; как буду плясать завтра на канате, уж и сама не знаю... Не откажи, голубчик Миша! Ради Бога, не откажи! — повторила девочка дрожащим от слез голосом.

Миша слушал ее внимательно, не проронив ни одного слова; жаль ему стало всей душой несчастную, маленькую Гашу; он решил

ей помочь во что бы то ни стало, и во всей этой неожиданной истории невольно видел помощь свыше, так как ему, как говорится, нежданно, негаданно, давались в руки именно те два рубля, в которых он, в данную минуту, так нуждался для Лёвиных питомцев.

— Хорошо, пойдем, — отвечал он и вместо того, чтобы отправиться к Лёве, как было раньше собирался, пошел за девочкой к городской площади, где еще вчера, возвращаясь из гимназии, заметил груды валявшихся брусьев и досок, из которых должен был соорудиться цирк.

III. Сиротка Гаша

После всего вышеописанного прошло около двух недель. Миша давно воспрянул духом. Данный им совет плотнику и его собственное участие в укреплении столбов occupилось гораздо лучше, чем он ожидал. Хозяин цирка оценил его труд вполне добросовестно; вместо обещанных двух рублей он дал ему вдвое, т. е. четыре; Миша был на вершине блаженства. Заручившись платою за два месяца вперед за право пользоваться чердаком для

"Красавчика" и "Орлика", он первым делом водворил там своих питомцев и затем немедленно отдал все вперед домохозяину, взяв с него честное слово, что он не будет беспокоить Марию Ивановну, а Марии Ивановне рассказал все подробно.

— Вот видишь, мамочка, не даром я с самого раннего детства старался изучать плотничество и столярное мастерство, теперь, оказывается, оно послужило нам на пользу, — сказал он не без гордости.

— Я и не сомневалась в этом, мой друг, потому никогда тебе и не мешала; помнишь, как ты, еще совсем крошечный, раз напугал меня, когда я, вернувшись с работы, не нашла тебя дома, и увидела, что твой обед стоит нетронутый, а ты изволил на целый день отправиться к старому плотнику? Нет, я думаю, не помнишь; слишком еще мал тогда был.

— Представь, мамочка, что я все отлично помню; и старого плотника Максима... Я очень любил смотреть на него, когда он мастерил что-нибудь; раз он делал кому то кухонный стол из досок; и я, придя домой, сделал точно такой-же стол, не настоящий, ко-

нечно, а игрушечный, и не из досок, а из старой коробки.

— Я тоже это отлично помню; ты все показывал его мне и соседям.

— А велосипед мой помнишь?

— Еще бы! Это было не особенно давно.

— А домики из спичечных коробок?

— Отлично помню; один из них даже недавно попался мне под руку, когда я разбирала вещи.

— Неужели, мамочка?

— Да.

— Где он лежит? Я бы с удовольствием на него взглянул.

— Открой сундук; он, кажется, как раз наверху, под крышкой.

Миша подбежал к сундуку, приподнял крышку и достал игрушечный домик.

— Теперь я не стал бы заниматься подобным вздором, — сказал он серьезно и принялся внимательно разглядывать домик со всех сторон.

— А ведь, в общем, не дурно; все сделано, как следует — окна, двери, крыльцо... Даже трубы торчат в крыше; надо будет показать

Гаше, она еще не приходила сегодня?

— Нет, что-то замешкалась; впрочем, она обыкновенно приходит в те часы, когда ты бываешь в гимназии и когда знает, что я беру работу на дом, а не уйду в мастерскую, несчастная девочка, я часто о ней думаю; мне очень жаль ее... Так бы хотелось взять бедняжку из этого цирка; она и сама, кажется, там очень скучает...

— Еще бы не скучать! Еще бы не грустить!.. С этих лет остаться круглой сиротой, не видеть ни от кого ласки, не иметь около себя милой, дорогой мамы! О, это ужасно! — с жаром заметил Миша, бросившись на шею матери. — Придумай, мамочка, что бы можно было для нее сделать... Она тебя так любит! Она недавно мне сказала, что те часы, которые проводит с тобою, составляют для нее лучшую пору дня... Ей так нравится, что ты учишь ее шить, вязать, и вообще она в восторге и от тебя, и от твоих разговоров.

— Да, она и мне это не раз говорила... О, если бы мы были богаты, я навсегда оставила бы ее у себя!.. Славная, хорошая девочка; я так привязалась к ней за последнее время; с тех

пор, как я больше не хожу работать в мастерскую, а беру шитье на дом, она ни одного утра не пропустила, чтобы не побывать у меня, зная, что мне скучно одной, пока ты не воротишься из гимназии.

— Я очень жалею, что мне приходится мало видеть ее, говорить с нею только урывками, а когда я возвращаюсь, она как раз должна спешить домой приготовляться к вечернему представлению, которое ей давно уже надоело... Она мне не раз это говорила. — Ну, однако, мы с тобою заболтались, — сказал наконец Миша; — хотя сегодня занятия у нас начинаются позднее, но все же мне скоро пора идти в класс; а прежде чем это сделать, я должен еще сходить на чердак прорепетировать с "Орликом" и с "Красавчиком", иначе они могут забыть все то, чему Лёва с таким трудом научил их.

И, собрав все нужные книги и тетрадки, Миша побежал на чердак к своим маленьким приятелям, чтобы узнать, есть ли у них корм, питье, а потом приступить к повторению.

Как только он присел на длинный белый ящик прикрытый красным ковриком, так

зайка и голубь моментально, сами, без приглашения, явились к нему; голубь вышел из голубятни, сел на жердочку и, точно желая приветствовать его, принялся без конца ворковать, а зайка, став на задние лапки, положил передние на крышку сундука и, протягивая мордочку к руке Миши, толкал его носом, прося подачки.

— Здравствуй! Здравствуй! Как поживаешь? Доволен ли новосельем? — обратился к нему мальчик, точно он мог понимать его и ответить, и сейчас же приступил к репетиции.

Мария Ивановна между тем взялась за шитье; старший приказчик магазина, давно к ней придиравшийся, последнее время был еще строже и хотел ее вытеснить, чтобы предоставить место другой.

Мария Ивановна не могла этого не заметить, но сначала делала вид, что не понимает его злого намерения, а потом, не будучи в силах слушать беспрестанные колкости, под предлогом нездоровья, просила хозяина магазина разрешить ей брать работу на дом, и очень была рада, когда маленькая Гаша, по-

знакомившаяся с ней через Мишу, приходила почти каждое утро навещать ее. Гаша подробно рассказывала ей про свою печальную жизнь среди чужих людей.

За все время пребывания у сестры покойного шарманщика Гаше не с кем было поговорить по душе, и она ни разу не слыхала ничего подобного, о чем ей ежедневно говорила Мария Ивановна. Дома вокруг нее все толковали только о том, чтобы побольше получить сбору с представлений, пересчитывали вырученные деньги, спорили и, подчас, даже ссорились за каждый лишний грош. Мужчины, женщины, дети, одним словом вся маленькая странствующая труппа кричала и волновалась; для всех, казалось, единственной целью в жизни были деньги и только деньги, часть которых шла, конечно, на существование, часть проходила так, между руками... Ни одного разумного слова ни от кого никогда она не слышала. Вечные прибаутки, смех, репетиция перед вечерним представлением, подчас истязание несчастных животных, которых учили разным штукам и дрессировали только ради того, чтобы их трудом опять-таки за-

работать себе деньги.

До встречи с Марией Ивановной Гаше никогда не приходило на ум, хорошо-ли это, что человек, будучи умнее и сильнее, чем какая-нибудь маленькая собачонка, кошка, зайчик или птица, заставлять трудиться и работать на себя существа более слабые?.. Теперь Гаша, не раз задавала себе этот вопрос, не раз над ним задумывалась, и не раз, слыша жалобное взвизгивание Жучки, Шарика или котамурлыки, когда хозяин хлестал их плетью во время репетиции, зажимала уши и убегала подальше, чтобы ничего не видеть и не слышать... От Марии же Ивановны она впервые услышала, что она с детства должна стремиться к тому, чтобы, со временем сделавшись взрослою, быть дельною, разумною, хорошою женой, матерью, хозяйкой, уметь шить, вязать, штопать белье, готовить кушанье, одним словом — уметь делать все то, что составляет, так сказать, основу обыкновенной будничной, домашней жизни...

Мария Ивановна научила ее вязать кружева, самые простые, узкие, и... Боже мой! — как увлекалась Гаша этими кружевами; она все

свои свободные часы просиживала за ними, не пропуская ни одного дня, а сегодня вот как раз что-то запоздала.

— Это что-нибудь не так, это не без причины! — чуть-ли не в десятый раз мысленно повторяла сама себе Мария Ивановна, тревожно подходя к окну и смотря по тому направлению, откуда должна была показаться хорошо знакомая ей фигурка девочки...

Но вот, наконец, она ее увидела издали. Гаша шла очень быстро и вскоре вбежала так поспешно в комнату, что даже не заметила, как по дороге зацепила за край стоявшего около двери сундука и вырвала целый кусок платья.

— Гаша! — строго окликнула ее Мария Ивановна, — разве можно быть такой неосторожной, ты...

Но, взглянув на нее, сейчас же замолчала.

Гаша была бледнее полотна; глаза ее были заплаканы... На левой щеке виднелся синяк и опухоль.

— Что случилось? — ласково спросила она ее, посадив рядом с собою.

Гаша, вместо ответа, припала к ней на

грудь и разразилась глухими рыданиями.

— Что случилось, моя дорогая? — повторила Мария Ивановна, нежно проводя рукою по ее белокурым волосам.

Но Гаша не в силах была отвечать; слезы душили ее... Марии Ивановне стоило большого труда ее успокоить.

— Со мною случилось большое несчастье, — проговорила она, наконец.

— Да что же именно? Что такое? Говори скорее, тебе легче станет, когда расскажешь.

— Хозяин избил меня и выгнал вон без копейки денег.

— За что, Гаша? Что такое ты сделала?

— Сейчас... Сейчас расскажу... Позвольте мне придти в себя, я расскажу вам все подробно.

Мария Ивановна взяла рюмочку с водой, накапала туда валериановых капель и молча подала их Гаше, которая, несколько минут спустя, действительно, настолько успокоилась, что могла уже свободно говорить.

— Наш египетский голубь "Коко", о котором я вам уже рассказывала, опять вылетел из клетки, — начала девочка; — на этот раз я

не была виновата, так как отлично помню, что, вычистив клетку, засыпав ему корм и налив воды, затворила дверку; он, однако, как то открыл ее, или она сама случайно раскрылась, только "Коко" улетел. Я, конечно, бросилась ловить его, но это мне не удалось... Голубь, точно поддразнивая меня, несколько раз садился на землю, подпускал к себе совсем близко, но, как только я нагибалась, чтобы схватить его, — улетал дальше... Я крикнула на помощь Антошу — Антоша как то особенно ловко умеет с ним справляться... Только, видно, раз на раз не придется... Поймать его — он поймал, но в кровь разбил ножку... Бедный "Коко" не может на нее ступить, а сегодня вечером он должен давать представление; афиши у нас заготовлены вперед, каждое представление обозначено под своим отдельным номером, и хозяин не знает, что теперь и делать. Он страшно рассердился: "это все ты, — крикнул он, подбежав ко мне с кулаками; — ты, гадкая, противная девчонка!" — Я начала было оправдываться, но он так ударил меня по щеке, что я, потеряв сознание, как сноп повалилась на пол... Долго ли я ле-

жала, не помню, знаю только, что когда я пришла в себя, то Антоша сказал, что хозяин велел передать мне, чтобы я убиралась вон, пока жива, а что следуемое мне жалованье за два месяца он оставляет у себя, так как голубя придется отправить в лечебницу, где за лечение птиц берут очень дорого. Таким образом, я теперь осталась без крова, без хлеба и без денег...

Я уверена, дорогая Мария Ивановна, что вы меня не выгоните, но вместе с тем знаю и то, что вы сами живете трудом, следовательно кормить и одевать лишнего человека, не можете... Если бы только хозяин согласился отдать мне хоть половину моего жалованья, то пока я найду какой-нибудь заработок, я бы спокойно прожила у вас, но теперь... Теперь... Это немислимо... О, Господи! Что я стану делать! Куда мне деваться!

— Прежде всего не волнуйся и не плачь; слезами горю не поможешь, — отозвалась Мария Ивановна; — как бы не были ограничены наши средства, мы тебя отсюда не отпустим, пока не придумаем, что сделать, чтобы тебе было лучше; вот погоди, Миша сейчас придет,

он чтонибудь да посоветует.

— Разве он не в гимназии?

— Нет, сегодня у них почему-то классы начинаются позднее, и он пошел на чердак познакомиться с "Орликом" и "Красавчиком"; он скоро, скоро воротится.

Миша, действительно, скоро вернулся с чердака, и, узнав обо всем случившемся, в первую минуту хотел даже не идти в гимназию, а прямо бежать к содержателю цирка требовать уплаты жалованья Гаши, но затем, подумав, что хозяин со своей стороны тоже, пожалуй, прав, решил, что прежде, чем действовать, надо хорошенько все обдумать.

— Конечно, он не должен был бить тебя, но было бы лучше устроить так, чтобы он добровольно согласился выдать тебе расчет, возвращаться же к нему ты не должна ни под каким видом; не правда ли, мамочка? — добавил он, обратившись к матери.

— Совершенно верно, но согласится ли он отпустить Гашу? Ведь ее выход на сцену тоже заранее объявлен в афишах.

— Если он ее выгнал, значит, она ему не нужна.

— Это он мог сказать под влиянием минутного раздражения.

— Нет, Мария Ивановна, это не беда, — вмешалась Гаша; — запас напечатанных афиш кончается через двое суток, т. е. как раз накануне того дня, когда мы предполагали перекочевать в соседний город; заменить же меня может Люба, его младшая дочка; она это делает иногда ради забавы, хотя мать ее всегда этим очень возмущается, боясь, чтобы Люба не оборвалась с каната; но два то раза, уж верно, позволит... Меня заменить — как видите, можно, не то, что голубка "Коко", но в общем все-таки трудно... Что я буду делать? О, Господи, Боже, помоги мне!

Бедная девочка снова залилась горькими слезами; Миша облокотился к стене и задумался; несколько минут продолжалось общее молчание. В комнате царила полная тишина, нарушаемая только мерным стуком маятника висевших на стене часов.

— Гаша! — вскричал вдруг Миша, приложив палец к своему лбу, — я нашел способ все уладить.

Мария Ивановна и Гаша взглянули на него

вопросительно и проговорили в один голос: "какой?"

— Я сейчас, после классов, пойду к твоему хозяину и предложу ему заменить больного "Коко", на остальные два представления, моим голубем; ведь в афише не сказано, какие он именно штуки будет проделывать.

— В афише только сказано: "занимательное представление голубка "Коко", а в чем именно заключается это занимательное представление, не обозначено, — подтвердила девочка.

— Прекрасно, но так как мой голубок, пожалуй, не послушает твоего хозяина, то мне придется выступить самому, но я соглашусь не иначе, как, во-первых, с разрешения мамы, а, во-вторых, с условием, чтобы хозяин после первого же представления выдал Гаши все ее жалованье целиком. Что ты на это скажешь, мамочка?

Мария Ивановна молча поцеловала его.

— Ты согласна, мамочка, не правда ли? — спросил Миша, ласкаясь к матери.

— Конечно, — отозвалась последняя; — не хочешь ли кушать? — добавила она, заметив,

что Миша уже собирается уходить.

— Некогда, мамочка; боюсь опоздать в гимназию.

IV. Успех

Переговоры Миши с держателем цирка, господином Фриш, увенчались успехом; выслушав предложение мальчика выручить его на два последних представления своим голубком, вместо большого египетского голубя, г. Фриш пришел в восторг, сразу согласился выдать Гаши жалованье все целиком, и даже предложил вновь принять ее в число своей труппы.

— Нет, господин Фриш, Гаши слишком оскорблена вашей жестокостью, я заранее могу сказать, что она к вам не вернется.

— Скажите, пожалуйста, какая принцесса! Экая важность, что я чуть-чуть хлопнул ее по щеке... Другая бы даже, наверное и не заметила, — возразил господин Фриш.

— Трудно не заметить, когда щека посинела и вспухла.

— Ну, что-же из этого? Хотя бы...

Миша был возмущен, но он старался ка-

заться покойным, боясь иначе навредить Га-ше.

— Так, значит, я привезу моего голубя за час до начала представления? — сказал он после минутного молчания.

— Да, пожалуйста, не позже. Я также слышал от Гаши, что, кроме ученого голубя, у вас еще есть дрессированный зайчик?

— Есть!

— Если бы вы привели и его, то я был бы вам искренно благодарен, потому что наш белый зайчик "Труся" за последнее время до того изменился, что часто не слушает меня и конфузится при публике, несмотря на то, что перед каждым представлением я с ним делаю повторения и угощаю его колотушками.

"Противный человек, самого бы тебя угостить колотушками", — подумал про себя Миша и затем сказал вслух слегка дрожащим голосом:

— Я своего "Красавчика" никогда не бил и не бью, а он меня всегда слушается.

— Так вы его принесете? — продолжал господин Фриш, — я за это вам заплачу отдельно.

— Благодарю; лично мне никакой платы не нужно, если я соглашаюсь привести сюда своих зверьков, то только ради того, чтобы заставить вас рассчитаться с Гашей; ведь иначе вы не отдадите ей жалованья?

— Конечно, жалованье будет передано вам только после представления, как мы условились, половина сегодня, другая завтра.

Миша, молча поклонился и уже хотел уходить, но господин Фриш удержал его.

— Одно слово — подождите; вы знаете, что вам нельзя выступить на сцену с вашими любимцами в гимназической форме.

— Ах, да, в самом деле... Я об этом не подумал... Впрочем, у меня есть матросский костюм, совсем новенький, раза два-три надетый; как вы думаете, подойдет ли он?

— Как нельзя больше; перед вашим выходом на сцену, я заявлю публике, что один маленький моряк будет иметь честь представить ей заморского голубя "Красавчика" и заморского зайчика "Орлика". Эффект получится полный.

— До свиданья, — сказал Миша, направляясь к выходу.

— Еще одно слово, — снова остановил его господин Фриш.

— Что прикажете?

— Послезавтра я уезжаю с моей трупой в соседний город; придется опять призвать плотников для разборки нашего цирка; но, как вам уже известно, здешние плотники так не ловки и не умелы, что снова могут поломать деревянные стропила, а потому не будете ли вы так любезны придти, когда для вас удобнее, сделать все это под вашим наблюдением, за что, конечно, не откажетесь взять плату; тут будет уже личный ваш труд...

Миша медлил с ответом; господин Фриш ему был крайне не симпатичен, а после его выходки с Гашей в особенности; в первую минуту он хотел отказаться, но мысль заработать лишний грош, который при их скудных средствах пойдет на пользу той же Гаше и избавит маму от лишнего сиденья над шитьем, заставила его согласиться.

— До свиданья, — сказал тогда господин Фриш, — я жду вас с вашими питомцами не позже половины шестого.

— Будьте покойны и надейтесь на мою ак-

куратность.

С этими словами Миша отправился домой.

Мария Ивановна и Гаша давно ожидали его; по выражению лица мальчика они сразу догадались, что дело улажено, и когда он вошел в комнату, то, так как он с утра ничего не ел, первым делом заставили его проглотить хоть несколько ложек похлебки, прежде чем начать рассказывать. Мише очень трудно было исполнить их требование; ему хотелось скорее все рассказать, — но он, тем не менее, все-таки повиновался.

— Шестую ложку похлебки вливаю в рот, не считая столько же кусков хлеба, — проговорил он, наконец, рассмеявшись, — а потому считаю себя вправе сделать перерыв, чтобы поделиться впечатлением. — И начал подробно рассказывать все то, что нам уже известно.

— Может быть, мне в самом деле, следует принять его предложение и вернуться, — сказала Гаша, когда рассказ был окончен.

— Тебе? Вернуться к нему?.. После того, что было?.. Нет, куда я жива, я этого не допущу, — возразила Мария Ивановна. — Живи у нас; как мы ни бедны, но настолько хватит,

чтобы прокормить тебя до тех пор, пока прищешь себе какое-нибудь более или менее подходящее место.

— Живи, живи у нас, — добавил Миша, — ты будешь моей маленькой сестричкой, будешь постоянно с мамой, а то она, бедная, скучает, когда я ухожу в гимназию... Ведь правда, мамочка, да?

— Конечно, правда, мой дружок; эти часы мне всегда кажутся длинными и тоскливыми... Теперь я буду довольна: у меня, кроме доброго, любимого сына, еще будет такая же дорогая, любимая дочка...

Гаша бросилась целовать свою благодетельницу.

— Ты теперь уже умеешь немного шить; будешь помогать мне; вдвоем работа пойдет у нас быстрее, следовательно, и заработок будет больше...

— О, конечно, дорогая Мария Ивановна, я буду помогать вам! Увидите, работа у нас с вами закипит... Это так весело... Так приятно; раньше я не имела никакого представления о работе, теперь же, благодаря вам, я готова просиживать за иглой не только целый

день, но и ночь...

— Ну, ну, не увлекайся! Этого никогда не будет...

— Почему?

— Потому, что я не позволю, — возразила Мария Ивановна почти строго.

— Но почему же, дорогая, почему вы мне этого не позволите?

— Ты должна беречь силы, а не надрывать их; работать следует в меру...

— Однако, вы сами этого не делаете?

— Да, да, мамочка, Гаша заметила совершенно верно, — ты сама этого не делаешь, — заметил Миша.

Долго еще продолжался разговор между Марией Ивановной, Гашей и Мишей; они спорили, возражали друг другу, доказывали, строили планы будущего и только около четырех часов уже вспомнили, что Мише пора собираться.

Мария Ивановна вынула из сундука его матросский костюм, который, по счастью, оказался еще совершенно свежим и нисколько не помятым. — Сняв с себя гимназическую рубашку, Миша живо преобразился в малень-

кого матроса; оживленные, черные глаза его лихорадочно блестели, в них видна была и радость за судьбу сиротки Гаши, которая теперь навсегда избавится от грубого обращения, и невольная тревога за то, как выступит он на сцену перед публикою со своими питомцами? "А что, если они закапризничают, испугаются, увидав себя среди толпы, среди новой обстановки при освещении множества фонарей?.. Закапризничают, испугаются и не послушают? Скандал ведь тогда на весь город?"

В числе публики, наверное, встретятся его знакомые и товарищи по гимназии; они его узнают, поднимут на смех, а господин Фриш так рассердится, что, пожалуй, приколотит и самого его, и "Орлика", и "Красавчика".

— О, нет, я этого не допущу ни в каком случае! — сорвалось с языка Миши.

— Что ты говоришь? — спросила Мария Ивановна, полагая, что он обращается к ней или к Гаше.

— Ничего, мамочка, я сам с собою рассуждаю... Я говорю, что никогда не позволил бы господину Фриш бить "Красавчика" или "Ор-

лика", если бы они, испугавшись новой обстановки, шума и музыки, вдруг отказались меня слушать.

— Зачем раньше времени тревожить себя подобными мыслями? Я уверена, что ничего такого никогда не случится. "Красавчик" и "Орлик" вовсе не пугливы, — возразила Мария Ивановна, желая успокоить его, хотя в душе невольно думала, что опасения мальчика вполне основательны.

— Конечно, Миша, ты напрасно беспокоишься, ничего худого не случится, — добавила Гаша, переглянувшись с Марией Ивановной. — Давай-ка лучше я помогу тебе собрать твоих актеров.

— Помоги, голубушка, я буду очень благодарен; мне одному, пожалуй, и не справиться.

— Пойдем на чердак, принесем их сюда, здесь будет удобнее их снарядить!

— Пожалуй, Гаша, ты права, там темно да и не тащить же туда корзину и клетку.

— Конечно.

И дети тотчас отправились на чердак, откуда скоро вернулись со своими питомцами; Гаша несла "Красавчика", а Миша "Орлика".

"Орлика" посадили в белую корзину, которую Гаша тщательно прикрыла легким, вязаным платком и обвязала со всех четырех сторон веревками. Таким образом, "Орлик" не был лишен воздуха и в то же время не мог выпрыгнуть, если бы вдруг ему пришла такая фантазия. Голубка же "Красавчика" водворили в ту самую клетку, в которой он приехал от Лёвы.

Гаша сходила за извозчиком, помогла Мише поставить корзинку и клетку на сиденье и, пожелав счастливого пути, молча вернулась в комнату. Извозчику было приказано ехать шагом, а Миша шел пешком около дрожек, придерживая рукою кожаный фартук экипажа, чтобы не дать корзинке и клетке соскользнуть с сиденья.

От дома, где жил Миша, до городской площади было недалеко и они довольно скоро доехали, так что "Орлик" и "Красавчик" явились как раз вовремя; Миша нашел свободную минутку, чтобы немножко повторить с ними; Фриш остался очень доволен и еще раз очень

любезно поблагодарил Мишу, сказав, что его выход стоит под № 4, и отправился на сцену, чтобы сделать некоторые необходимые приготовления.

К шести часам пришли музыканты; затем, мало-помалу начала собираться публика; око-

ло восьми цирк был полон зрителей, — не было ни одного пустого места. Главным образом были дети, но и взрослых тоже набралось порядочно.

Миша выглядывал из-за угла, так что он видел всех, а его никто; он сразу узнал многих товарищей по гимназии и знакомых.

"Воображаю, как они удивятся, когда увидят меня... Это выйдет презабавно; скорее бы наступил мой выход!" — подумал сам про себя Миша и, спрятавшись еще глубже в угол, стал разглядывать окружающую его обстановку.

Выход первый заключался в том, что на сцену вывели двух лошадей; они были почти одинакового роста, одна вороная, другая серая; их держали под узцы два казака-подростка, красивые, стройные, с оживленными глазами и с таким отважным видом, что, глядя на них, невольно думалось, что они никогда и ни перед чем не остановятся.

Согласно программы казаки-подростки должны были представить джигитовку, для чего Антоша, одетый в трико и опоясанный широким, разноцветным поясом, предвари-

тельно раскидал по всей усыпанной песком круглой площади несколько носовых платков, маленьких корзиночек с ручками и два кинжала. Мишу чрезвычайно заинтересовало, что из этого выйдет? Он никогда не видал джигитовки и не мог себе представить, в чем она заключается.

— Зачем ты все это раскидал? — спросил он Антошу, когда тот проходил мимо.

— Сейчас узнаешь, — отвечал Антоша и махнул рукою музыкантам.

Раздались громкие звуки марша; казаки моментально вспрыгнули на спины лошадей и галопом обогнули круг арены, раз... другой... Затем, сначала один, а потом и другой — на всем скаку, низко склонившись с седла, поднимали с земли раскиданные предметы; публика, конечно, приходила в восторг, аплодисменты гремели без конца, и казаки, раскланиваясь, удалились вполне довольные.

Для № 2-го на сцену была выведена собака, высокая, поджарая, на тонких ногах, с узкою мордой и умными выразительными глазами; легко ступая по песку, она поводила головою направо и налево и, словно сознавая соб-

ственное достоинство, спокойно остановилась перед публикой, приветливо махая хвостом.

— Похвастайте нам вашими познаниями, почтеннейший г. Трезор! — обратился к собаке господин Фриш; — первым делом, я вас попрошу быть вежливым и поклониться многоуважаемой публике, которая почтила нас своим благосклонным посещением!

Трезор привстал на задние лапы.

— Сейчас, г. Трезор, я вас не затрудню, — поспешил добавить господин Фриш, и надел Трезору на голову военную фуражку.

— Ну! — прикрикнул он по прошествии нескольких минут.

Трезор приподнял правую переднюю лапу и отдал честь, приложив лапу к козырьку.

— Bravo! — раздались одобрительные крики в публике.

Господин Фриш снял с него фуражку и знаком руки разрешил ему снова встать на все четыре лапы.

— Тепер, — обратился он к нему после минутного молчания, — посмотрите хорошенько на мои часы и скажите нам, сколько вре-

мени?

Трезор пристально уставился глазами в поднесенные к его морде часы хозяина и лизнул их; публика расхохоталась.

— Вы хотите этим дать понять, что говорить не можете? — сказал господин Фриш. Трезор утвердительно кивнул головой.

— Не можете? — переспросил господин Фриш. Трезор вторично мотнул головой.

— Как же нам тогда быть?

Трезор обвел своими умными глазами сначала всю публику, затем остановил взор на хозяине, как бы желая проговорить "не знаю!"

— Постарайтесь объяснить знаками — ведь это вы можете? — продолжал последний. Трезор ответил утвердительным кивком головы, после чего господин Фриш снова поднес ему к морде часы.

Умное животное долго всматривалось в циферблат, словно что-то соображая, затем, высоко приподняв одну из передних лап, мерно, отчетливо стукнуло по земле девять раз.

Г. Фриш указал публике на стоявшие на мраморной подставке большие часы, стрелки

которых действительно показывали девять.

— Молодец Трезор! — раздалось среди публики.

— Кланяйтесь и благодарите! — шепнул г. Фриш на ухо умной собаке, настолько, однако, громко, чтобы присутствующие могли слышать.

Трезор сделал несколько шагов назад, продолжая смотреть на публику, и, забавно присев на задние лапы, настолько низко, чтобы передними тоже упираться в землю, изобразил нечто вроде реверанса; что касается господина Фриш, он тоже почтительно раскланялся на все стороны.

Миша, выглядывая из-за угла, стоял совершенно пораженный, недоумевая, каким образом господин Фриш мог научить всему им виденному Трезора; но этим представление еще не кончилось. Трезор по приказанию хозяина выделывал перед публикой много других штук: прыгал через стулья; ловко подкидывал кверху мячик, который сам же, с еще большей ловкостью ловил в открытую пасть; ходил взад и вперед на передних лапах, вниз головою, отвечал на заданные ему вопросы

(конечно, совершенно своеобразным способом), так, например, на вопрос господина Фриш, как поступал бы он если-бы на него напали разбойники, начинал ворчать, лаять и бросаться во все стороны, словно желая растерзать кого-то.

— Довольно! — остановил его, наконец, хозяин.

Он моментально затих.

— А что ты сделаешь, когда я покажу тебе большой сбор за наше представление? — спросил господин Фриш после минутного молчания.

Трезор принялся с радостным взвизгиванием подпрыгивать в воздухе.

— А если сбор окажется неудачным? — продолжал хозяин.

Трезор, вместо ответа, низко наклонил голову, опустил хвост и с жалобным воем спрятался под скамейку.

— Bravo! Bravo! — одобрила его публика.

В выходе № 3 — выступил акробат Антоша; он ловко прыгал по канату, ловко кувыркался, ловко выкидывал в воздухе различные эволюции, приводившие публику в восторг и

вызывавшие нескончаемые аплодисменты... Некоторые вещи особенно нравились публике, нравились настолько, что она требовала даже повторения, но Миша, не мог равнодушно смотреть на все эти акробатические упражнения, сопряженные с опасностью жизни, и в самые интересные, по мнению публики, моменты закрывал глаза рукою.

Таким образом время протянулось почти до десяти часов; наконец, наступила пора выхода Миши: бедный мальчик, первый раз в жизни очутившийся среди подобной обстановки, чувствовал себя неловко; голова его кружилась, ноги подкашивались, он шел вперед нетвердыми шагами, старался разглядеть знакомые лица среди присутствующей публики, но как-то ничего не мог разобрать... Все у него сливалось в одну общую массу... Он слышал только, что там где-то направо... налево... прямо... звучат знакомые голоса товарищей.

— Смотрите, смотрите, господа, ведь это Миша... наш Миша...

— Как он мог попасть сюда?

— Нет, это не он... — возражали другие.

— Но удивительно похож!

— Да он же — он, безо всякого сомнения, всмотритесь хорошенько!

Господин Фриш, между тем, выступил вперед и торжественно объявил достопочтеннейшей публике, что сию минуту будет иметь честь представить ей маленького моряка, который, только что прибыв из-за далекого, синего моря, привез прекрасного белого голубя и очаровательного, такого же белого зайчика, которые сейчас дадут свое представление.

Все это господин Фриш говорил очень складно, очень мило, очень комично; но Миша улавливал только одни звуки его голоса, слова же для него точно куда-то улетучивались... Куда-то ускользали.

— Начинайте! — обратился он, наконец, к Мише, ударив его по плечу.

Миша сразу очнулся и, словно проснувшись от какого-то тяжелого забытья, сделал над собою усилие, чтобы казаться покойным.

Мысль о том, что он трудится для бедной сиротки Гаши, и чтобы избавить мать от лишних часов работы — придала ему силу и энергию.

Он, по видимому, совершенно покойно заставил "Красавчика" проделывать все те штуки, которым его научил Лёва и которые он сам, после отъезда последнего, ежедневно с ним репетировал. "Красавчик" выказал себя молодцом; ни музыка, ни шум аплодисментов, ни непривычный свет, очевидно, не производили на него ни малейшего впечатления. Он проделывал перед многочисленной публикой все свои заученные штуки, точно также покойно, точно также послушно, как проделывал их раньше, на полутемном чердаке глаз на глаз с Мишей и с четвероногим дружкойм "Орликом", который в данный момент, тоже выступив на арену, *лицом в грязь не ударил*, если можно так выразиться про зайчика, имевшего вместо лица простую мордочку; словом, 4-й № прошел особенно блестяще; публика требовала несколько раз повторения, и громко кричала "браво! браво, "Красавчик", браво, "Орлик"! браво, маленький моряк!"

Видя полный успех первый раз выступивших на арене импровизированных актеров, господин Фриш остался очень доволен, во

время перерыва крепко пожал руку Миши, взял с него честное слово, что он непременно придет на завтрашнее, последнее представление, так сказать, уже прощальное, и отдал ему жалованье Гаши за один месяц.

— Остальное получите завтра, — сказал он в заключение, — а послезавтра утром, пожалуйста, приходите помочь плотникам разбить столбы и стропила.

Миша молча поклонился.

Позвав извозчика, он опять усадил на его разбитых дрожках корзинку "Орлика" и клетку "Красавчика", чтобы отправиться вместе с ними домой и скорее сообщить матери о блестящих успехах своих маленьких питомцев, а завтра утром обязательно написать об этом Лёве.

V. Семейная радость

С наступлением вечера движение на улицах нашего небольшого городка мало-помалу стихало; только изредка доносился шум колес проезжавшего где-нибудь экипажа или слышались тяжелые шаги сторожей да дворников, от скуки прогуливавшихся около домов,

в своих высоких сапогах, подбитых гвоздями; в домах нигде почти не было видно света — в провинции вообще принято рано ложиться, но в квартире, или, выражаясь правильнее, в комнате Марии Ивановны, несмотря на позднюю пору, все еще горела лампа. Всем было не до сна: они сидели за столом, хотя их скромный ужин давно уже кончился, и долго, долго говорили о блестящем успехе выступивших на сцену "Красавчика" и "Орлика", не могли нарадоваться их смелости, их смысленности, их повиновению.

— Теперь, когда все кончилось и обошлось благополучно, я сознаюсь, что не на шутку трусила за твоих питомцев, — обратилась Мария Ивановна к Мише, когда он, несколько раз повторяя малейшие подробности успеха голубка и зайчика, наконец, сделал перерыв, чтобы выпить давно налитый ему стакан чая.

— Ты боялась, мамочка, что их ошеломит никогда невиданная обстановка, не правда-ли?

— Вот именно.

— Да, я сам этого очень боялся.

— Это так понятно, так естественно; даже

человек в подобных случаях иногда теряется, а что же можно требовать от маленькой, беззащитной птички и такого же маленького, даже по природе трусливого, зайчика?

— Но, видно, пословица: "нет правила без исключения" вполне справедлива — наш "Орлик" в данном случае оправдал ее.

— Безусловно.

— А уж я-то как боялась, — заметила Гаша, все время молча слушавшая разговор матери с сыном; — знаешь, Мишута, когда я устанавливала клетку и корзинку на извозчичьи дрожки, у меня руки дрожали.

— А, между тем, глядя на тебя ничего нельзя было заметить.

— Еще бы, Миша! Я не хотела раньше времени тебя огорчать... Ведь вот ничего же не случилось, представление прошло самым блестящим образом, и завтра повторится то же самое...

— Сегодня, правда, оно прошло как нельзя лучше, но что будет завтра — неизвестно.

— Завтра повторится то же самое, это не подлежит сомнению, — с уверенностью проговорила Мария Ивановна, — господин Фриш,

в данном случае, человек опытный; если бы он хоть немного сомневался, то поверь, никогда бы не стал так настоятельно требовать, чтобы ты пришел завтра.

— И никогда бы не отдал даже части моего жалованья, — добавила Гаша; — я его хорошо знаю, он деньгами дорожит больше всего. Но, однако, какая же я завтра буду богатая! — добавила она после минутного молчания.

Мария Ивановна и Миша улыбнулись.

— Вы знаете, сколько у меня будет денег? — продолжала девочка; — более десяти рублей, разве это не богатство, разве это не капитал? Но вы должны взять себе все целиком.

— Это почему?

— Потому, что я не могу и не хочу жить у вас даром.

— Перестань болтать пустяки.

— Нет, Мария Ивановна, это не пустяки... Далеко не пустяки; вы сами живете трудом, я буду мучиться, сознавая, что сижу у вас на шее.

— Да ведь я уже тебе сказала, Гаша, что полученное тобою сегодня жалованье поступит

в нашу общую кассу! Чего же ты еще добиваешься?

— Вы согласились принять в общую кассу то, что Миша принес сегодня, а о тех деньгах, которые он принесет завтра, вы ничего не хотите говорить.

— Да ведь их еще нет, Гаша, зачем мы будем спорить раньше времени?

— Конечно, — вмешался Миша; — может быть, я их и не передам тебе: мы с "Орликом" и "Красавчиком" отправимся на них кутить. Говорят, актеры вообще придерживаются этого обычая, и после каждого представления, в особенности, если оно удачно, едут куда-нибудь в ресторан вместе ужинать. Чем же мы хуже их, и почему нам нельзя поступить точно также, правда, мои маленькие друзья? Вы ничего не имеете против?

С этими словами он быстро соскочил с места и, подбежав к своим маленьким друзьям, которых по случаю позднего времени на чердак не отнесли, принялся ласкать их.

Долго продолжались разговоры и шутки; наконец, Мария Ивановна первая напомнила, что давно уже пора ложиться спать, и что

иначе они все трое на следующее утро рискуют проспать.

— Это правда, — согласился Миша, — надо укладываться — и, пожелав спокойной ночи матери и сестричке, как он называл теперь Гашу, пошел устраивать себе постель на диване, так как кровать уступил Гаше, которая тотчас улеглась; за нею легла и Мария Ивановна. Огонь погасили, но разговоры, тем не менее, все еще не смолкали.

Все трое чувствовали себя такими счастливыми, такими довольными, что не желали ничего лучшего и не согласились бы, ни за какие блага, поменяться ни с кем своей долей.

Следующий день, суббота, прошел обыкновенным порядком: утром Миша был в гимназии, затем вернулся к обеду домой, после обеда сел готовить уроки к понедельнику, чтобы вечер с субботы на воскресенье и хотя воскресенье быть свободным, тем более, что сегодня ему надо было к шести часам снова отправляться в цирк, куда на этот раз он мог ехать попозднее, так как господин Фриш, зная познания "Красавчика" и "Орлика", уже не тре-

бывал репетиции.

Представление началось в половине седьмого; ввиду того, что оно было последнее, так сказать прощальное, — то господин Фриш предварительно предупредил публику о своем желании доставить ей возможно больше удовольствия и показать все лучшие силы.

Согласно всегдашней методе, он это делал постоянно, перед отъездом из каждого места, где давал свои представления; делал с тем расчетом, чтобы оставить по себе хорошее воспоминание и, в случае вторичного визита, встретить в публике сочувствие и отзывчивость.

Программа гласила исключительно о новых, еще не виданных фокусах, которые будут выполнены людьми и животными; в состав программы, в виде повторения, войдет только единственный выход маленького моряка с его питомцами, и то по желанию благосклонной публики, заявившей об этом еще вчера, после долгих, громких аплодисментов.

Миша с восторгом прочел объявление об этом и особенно нежно ласкал своих питомцев, называя их самыми нежными именами.

На этот раз выход его значился не четвертым, а девятым, т. е. стоял почти в самом конце представления; Миша сразу понял и догадался, что это сделано не без цели.

"Сладкое блюдо всегда подают последним, для того, чтобы во рту оставался приятный вкус", — мысленно проговорил мальчик, самодовольно улыбаясь, и, снова встав в угол на то место, где стоял вчера, терпеливо выжидал свою очередь.

По сделанному господином Фриш знаку, музыка опять, по примеру вчерашнего, заиграла марш, под звук которого Антоша, одетый в новый костюм, выдаваемый ему только в торжественных случаях или по большим праздникам, почтительно раскланялся зрителям, и затем, ловко вскарабкавшись по высокому, совершенно гладкому столбу, под самый потолок парусинного навеса, вскочил на канат и принялся выделывать там, руками и ногами, такие изумительные фокусы, что, глядя на него, невольно становилось жутко... Вот... Вот... Еще одна минута, еще один прыжок.... И, казалось, бедняга сорвется с каната, мгновенно полетит вниз... разобьется до

смерти...

Несколько товарищей по профессии, уже одетых в трико и готовых в известный момент выступить теперь на арену, смотрели на него с немым восторгом, но без всякого страха за дальнейшую судьбу; для них это не было ново... Каждый не раз выполнял то же самое, но Миша, не привыкший к этому, старался не смотреть; фокусы Антоши производили на него тяжелое, удручающее впечатление... Он даже невольно рассуждал в душе: "неужели Антоша не мог избрать какой-нибудь иной способ зарабатывания куска насущного хлеба, — менее сопряженный с опасностью?"

По счастью, однако, все обошлось благополучно, Антоша вернулся в коридор, где публика не могла его видеть, и где стояли остальные актеры, как бы за кулисами — вернулся целым, невредимым, сияющим, так как не только публика отнеслась с похвалами к его таланту (если только акробатические фокусы можно назвать талантом), но даже сам господин Фриш погладил его по голове со словами: "спасибо, Антоша, поддержал нашу славу, за мной не пропадет... На чай получишь".

А господин Фриш редко кого хвалил и еще того реже обращался к своим подчиненным с речью.

Следующие номера программы шли своим чередом, и, видно, уж вечер выдался такой счастливый — успех со всех сторон получался полный; на лицах акробатов, жонглеров и клоунов выражалось довольство, радость; даже животные и птицы, принимавшие участие в представлении, казались тоже веселее обыкновенного, и, сверх ожидания, меньше получали пинков и побоев.

Один только Миша стоял в уголку, задумчивый и угрюмый, продолжая предаваться философским рассуждениям.

— Чего стоишь, как истукан? — раздался вдруг над самым его ухом голос Антоши.

— Ничего... я... так... — отвечал, встрепетавшись, Миша.

— Чего так? Выходить пора, а у тебя еще ничего не готово.

— Ваш выход, — подтвердил поспешно подбежавший к нему господин Фриш, — чего же вы в самом деле стоите?

— Сию минуту... — отозвался Миша и дей-

ствительно почти моментально вышел со своими питомцами на арену.

Публика встретила его как старого знакомого; раздались приветливые возгласы — браво, "Красавчик"! браво, "Орлик"!

Миша на этот раз уже не чувствовал вчерашнего смущения. Мило улыбнувшись, он спокойно раскланялся на все стороны и приступил к делу. Как зайчик, так и голубь, по примеру предыдущего раза, выполнили их роли превосходно. Публика пришла в такой экстаз, что под конец представления засыпала их цветами, конфетами и даже мелкими серебряными и медными монетами. По приказанию господина Фриш, деньги в антракте были подобраны сторожами и переданы Мише.

Если найдутся еще после уборки, то завтра передам, когда придете помогать плотнику разбирать столбы и стропила, — сказал он, прощаясь с Мишей и вручая ему остальную часть жалованья Гаши, которой, между прочим, просил вторично передать, что если она хочет вернуться к нему, он не откажет взять ее.

— Нет, господин Фриш, этого никогда не будет, — серьезно возразил Миша, — я даже отказываюсь передавать.

— Не хочет — не надо... — отозвался тогда господин Фриш, пожав плечами.

Миша молча поклонился и попросил сторожа привести извозчика.

— Извозчик готов! — заявил сторож по прошествии нескольких минут.

— Спасибо! — поблагодарил его Миша и, поместив на дрожки своих друзей, сам пошел пешком рядом.

— Барин, да вы бы сели, смотрите, дождь накрапывает, — обратился к нему извозчик.

— Ничего, не сахарный, не растаю, — возразил Миша, пробираясь по грязи.

— Напрасно, значит, сесть не желаете; ножки промочите, грязь-то у нас по улицам стоит невылазная; чем ближе к вашей квартире, тем будет хуже; снимите клетку, либо корзинку поставьте в ноги, а сами сядьте как следует.

— Нет, любезный, в ноги я не поставлю ни клетку, ни корзинку, потому что таким образом моих питомцев может растрясти, а взять

одного из них на колени могу, пожалуй, и тогда, может быть, и сам примощусь.

— Ишь ты, какой добрый, — продолжал словоохотливый извозчик, — скотов любишь... Это хорошо, за это Господь Бог не оставит, ведь и в Священном Писании гласится: "блажен раб, идеже скотов милует". А вы зачем возили их в цирк, неужто брали места, чтобы показать представление?

— Нет, — рассмеялся Миша; — разве они что-нибудь поняли бы?

— Тогда зачем же вы привозили их?

— Затем, что они сами давали представление.

— Что вы! Неужели? Значит — они у вас ученые?

— Еще как!

— Вот оно что! Теперь понимаю; каким же штукам они обучены то?

Миша принялся подробно рассказывать извозчику, каким именно штукам обучены его маленькие друзья, и так увлекся интересной беседой, что даже не заметил, когда дрожки очутились около ворот того дома, где находилась квартира Марии Ивановны.

— Миша, ты? — послышался сверху голос Гаши, высунувшей голову в отворенную форточку.

— Мы... мы.... - отозвался Миша; — если можешь, спустись помочь внести в комнату клетку и корзинку.

Гаши в один миг очутилась возле дрожек и, конечно, очень охотно исполнила просьбу мальчика.

Мария Ивановна ожидала их с кипящим самоваром и с готовым ужином.

— Ну что, как? Надеюсь "Красавчик" и "Орлик", по примеру вчерашнего, выполняли свои роли безукоризненно? — спросила она, в свою очередь помогая развязывать веревки, которыми были связаны клетка и корзинка.

— Сегодняшнее представление сошло еще успешнее, — отозвался Миша; — публика закидала нас конфетами, цветами, и даже деньгами.

— Неужели?

— Честное слово; вот как устроим на ночь наших дружков, — все покажу, вместе подсчитаем капиталы и разделим лакомство.

С этими словами Миша принялся устраи-

вать своих питомцев на ночь возможно удобнее, так как на чердак относить их было слишком поздно. Зайку водворили за столом от швейной машинки, куда Гаша подослала ему коврик, поставила питье и положила несколько листьев кочанной капусты, а голубка посадила на шкаф, где предварительно тоже засыпала корм; тот и другой, по-видимому, чувствовали себя превосходно, но, очевидно, утомившись непривычным, долгим сиденьем, все-таки скоро замолкли и, несмотря на происходивший вокруг них шум, смех и разговор, — крепко заснули. Миша, между тем, высыпал на стол целую грудку цветов; потом начал выворачивать все карманы, откуда, словно из рога изобилия, посыпались конфеты и деньги.

— Ого, какое богатство! "Орлик" и "Красавчик" теперь настоящие капиталисты, — заметила, шутя, Мария Ивановна.

Миша самодовольно улыбнулся; разобрав все монеты по порядку, он с помощью матери и сестрички начал их подсчитывать; сумма оказалась, больше чем все ожидали.

— Капиталисты, капиталисты... — повто-

рила Мария Ивановна; — но Расскажи же нам подробно, каким образом сегодня все там происходило?

Миша не замедлил исполнить желание матери, ему самому было очень приятно, говорить об успехах их общих любимцев, и потому он очень охотно рассказывал все, до мельчайшей подробности.

— По-моему, Миша, ты должен хоть часть этих денег употребить на "Орлика" и "Красавчика", — серьезно заметила Гаша.

— Я сам об этом думал; употребить на пользу не трудно; корм для них теперь обеспечен надолго, но в общем они так мало его требуют, что об этом говорить не стоит, — а вот относительно удовольствия — хотелось бы что-нибудь придумать.

— Задача не легкая, — отозвалась Мария Ивановна; — какое удовольствие можно доставить зайчику и птице?

— Купит им лакомства, — такого, конечно, какое они особенно любят, — посоветовала Гаша.

— Ты права; мы непременно это сделаем! — радостно воскликнул Миша.

— А пока садитесь ужинать, — предложила Мария Ивановна, — за столом мы сообща обсудим этот важный вопрос.

Дети повиновались. Миша не переставал говорить о блестящих успехах "Красавчика" и "Орлика", не переставал восхищаться их познаниями.

— Ах да, я чуть-было не забыл передать тебе остальные деньги! — обратился он к Гаше и, вынув из кармана полученное от господина Фриш жалованье девочки, положил на стол около ее прибора.

— Я тоже могу теперь назваться богатою и пойти в долю с "Красавчиком" и "Орликом", чтобы устроить общее угощение, — пошутила Гаша; — тем более, — добавила она после минутного молчания, — что у меня тоже ведь радостная новость...

— Какая? — перебил Миша.

— Да, у нас новость... очень приятная, — добавила Мария Ивановна.

— Да какая же? Какая? — нетерпеливо спросил Миша; — почему вы мне до сих пор ничего о ней не говорили?

— Потому что сами не знали; это решилось

только вечером, после того, как мы тебя проводили в цирк.

— Вот какая новость, слушай, — начала Га-ша, подойдя к своему "братцу" и положив ему на плечо обе руки, — хозяин того магазина, где работает твоя мама...

— Не твоя, а наша, — поправила Мария Ивановна; — разве ты позабыла, что ты считаешься моей дочерью и сестрой Миши?

Гаша, со слезами на глазах, припала к руке Марии Ивановны и с чувством благодарности несколько раз, горячо поцеловала ее.

— Нашей... Нашей милой, дорогой мамочки, — продолжала она, дрожащим от волнения голосом; — ну вот, значит, хозяин магазина, где работает наша мама, прогнал того злого приказчика, который к ней так несправедливо относился...

— Знаю, — в свою очередь перебил Миша, — но какое отношение это может иметь к неожиданному выпавшему на твою долю счастью?

— Такое, что сам хозяин и заместитель злого противного приказчика сегодня вечером был здесь у нас с предложением маме

взять на себя обязанность закройщицы, а мне — поденной швеи, под руководством маминой помощницы, почти такой же молодой, или, лучше сказать, почти такой же молоденькой девочки, как я сама... Разве это не счастье, Миша, неожиданное, свалившееся с неба? — Подумай, как много мы теперь будем зарабатывать и как хорошо, как безбедно можем жить!

Миша в первую минуту даже хорошенько не мог сообразить все то, что услышал от матери и от Гаши, но потом, переспросив их еще раз, принялся по очереди закидывать их вопросами.

Трудно передать то чувство безграничной радости, которое в данную минуту переживали наши герои.

Мария Ивановна была на верху блаженства.

— Ну, как не сказать после всего этого, — предопределение свыше, — начала она сдавленным от подступающих к горлу слез голосом. — Как не сказать, что сама судьба столкнула Гашу с нашей семьей, для того, чтобы вырвать ее из той ужасной обстановки, в ко-

торой бедняжка находилась с самого раннего детства, — вывести, наконец, на верный хороший путь, и в то же время дать нам возможность иметь около себя такое доброе существо, именно в тот момент, когда наши собственные средства начинают поправляться... Да... Да... все это так, воистину так... Теперь, более чем когда-либо, я убеждаюсь в безграничном милосердии всемогущего Бога, Который делает все на благо человека, Который печется о нем, как отец о сыне... Который никогда не оставит его... никогда... никогда!..

VI. Его не стало

Следующий день приходился в воскресенье, Мише не надо было идти в гимназию, а потому, напившись утреннего чая, он еще раз стал толковать с Гашей, какого рода угощение купить "Красавчику" и "Орлику" и каким образом по-торжественнее отпраздновать общую радость, вызванную успехом их любимцев в цирке и неожиданным предложением Гаше поступить швеею в магазин; когда это было решено, то виновников торжества все-таки отнесли на чердак, чтобы удобнее было

убирать комнату.

Пока Миша переносил их туда, Гаша занималась составлением списка, что следовало купить для предстоящего торжества, так как Миша обещал взять на себя труд все это принести на возвратном пути из цирка, куда, согласно данного вчера слова господину Фриш, должен был придти к двенадцати часам дня, чтобы помогать разбирать столбы и стропила.

— Вот, посмотри, что я написала, — сказала девочка, когда Миша спустился с чердака, — это для нас: один фунт пряников, один фунт орехов и один фунт мармеладу — довольноно?

— Без сомнения; если хочешь, то, пожалуй, даже много; можно всего взять по полу-фунту.

— Нет, Миша, уж кутить, так кутить, — возразила девочка, — столько радостей, как у нас теперь, редко бывает.

— Хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему; но все эти лакомства только для нас; зайке и голубю они не по вкусу.

— Для них я предлагаю купить следующее:

зайке — разных свежих овощей, а голубку — сладкий сухарь, который мы размочим в горячем молоке, и хотя пол-фунта самых дорогих, отборных круп.

— Хорошо; давай мне деньги и список, я должен уходить, — сказал в заключение Миша.

Девочка отдала ему то и другое.

— Передай мой поклон Антоше, — добавила она, когда Миша уже готовился выйти из двери. — Антоша всегда был ко мне добр, и не раз защищал от побоев... кланяйся тоже хозяйке... — Миша в ответ кивнул головой и, выйдя на лестницу, начал спускаться вниз по ступенькам.

— Здравствуйте! Мы вас давно ожидаем! — крикнул господин Фриш, когда он пришел на городскую площадь.

— Мое почтение! Разве я опоздал? — отозвался Миша.

— Нет, собственно говоря, вы несколько не опоздали, но плотник пришел раньше, — продолжал господин Фриш, любезно протягивая руку; — вы — человек аккуратный, я это заметил с первого раза... Я очень люблю людей ак-

куратных, потому что сам, как немец, всегда отличался, отличаюсь и буду отличаться постоянной аккуратностью и...

— Значит, плотник здесь, — перебил Миша, не желая далее слушать его болтовню.

— Давно, давно; он даже начал разбирать и укладывать то, что полегче, но столбы и стропила стоят не тронутыми, в ожидании вас.

— Я могу сейчас приступить к делу?

— Конечно, зачем вас задерживать? То что они делают в настоящую минуту, можно кончить потом, лишь бы при вас заняться самым важным. Приступайте к делу, пожалуйста.

И он попросил Мишу следовать за ним в глубину цирка, где многое уже оказалось разобранным и уложенным.

Грубое, заменявшее потолок полотно, местами в заплатах, болталось по столбам, от которых его не успели еще отколотить, и, порою поднимаемое порывами осеннего ветра, хлопало по лицам тех, кто проходил внизу.

— Простите, — вежливо заметил господин Фриш, придерживая один из концов, чтобы он не задел мальчика.

— Ничего, пожалуйста, не беспокойтесь, — возразил последний; — я встану в стороне; пускай отколачивают парусину, она нам помешает, а ты, братец, подойди-ка сюда! — добавил он, подозвав плотника, и принялся объяснять ему способ разборки стропил, при котором последние никогда не могут испортиться.

— Ай да, барин! Какой умный! — отозвался плотник, почесывая себе затылок, — право, умный, несмотря, что сам еще почти ребенок... Я — вдвое, какое вдвое? втрое, вчетверо старше, а, ей Богу! не сообразил-бы.

— Да ведь я правду говорю, — отозвался Миша, не будучи уверен, действительно ли плотник хочет похвалить его, или говорит так в насмешку.

— Истинную, святую правду, батюшка барин, изволишь молвить. Но скажи, почему ты все это знаешь?

— Потому, что с самого детства люблю плотничье дело и, будучи еще ребенком, часто хаживал к одному знакомому плотнику учиться его ремеслу; зайди как-нибудь к нам, я покажу тебе много сделанных мною в дет-

стве игрушечных столиков, шкафчиков, ящичков.

— Скажите на милость!

— Да, если, бывало, что не заладится, сейчас бегу к своему другу-плотнику... Он мне все объяснит... Все расскажет... Все растолкует.... И я возвращаюсь домой; один раз я ухитрился даже уйти за таким советом без ведома матери, которая, вернувшись домой и не застав меня в комнате, страшно испугалась...

— И, наверное, задала вам взбучку, после которой у вас отбило охоту бегать за советами к плотнику, — добавил господин Фриш.

— О, нет, — возразил Миша; — мама слишком добра для этого; она знала, что я поступил так, не подумав, а не со злым умыслом... Я никогда не причинял ей огорчения... Она очень обрадовалась, когда я вернулся домой целым, невредимым и, узнав в чем дело, впоследствии не только не мешала мне, а еще сама говорила: "всякое знание полезно", и действительно, как видите, она была права.

— С чего же, барин, по-твоему, начинать? — спросил плотник.

— А вот, любезный, взбирайся наверх, по

приставленной к столбу лестнице, и разбирай стропила, так, как я уже объяснял раньше.

— Ладно! Только, вы, барин, все же обождите уходить, я буду разбирать при вас.

— Я и не собираюсь уходить раньше окончания работы, а только предлагаю тебе начинать.

Плотник подозвал подручного парня, с его помощью принялся за дело и не мог надивиться тому, что при указанных "барченком" приемах дело идет гораздо скорее и успешнее.

Миша внимательно следил за обоими рабочими, не сводил с них глаз и часто останавливал, заставляя разбирать не как-нибудь, а по правилам, когда они, забывшись, делали неверно. Работа шла довольно успешно; большую часть стропил уже разобрали, и положили на землю, оставалось снять последние.

— Теперь, барин, идите с Богом, мы кончим одни, — крикнул плотник.

Миша молча кивнул головой, спрятал в карман полученные от господина Фриша деньги, но, прежде чем уходить, еще раз

взглянул на верх.

— Не так! — поспешно крикнул он плотникам, — не так! Не верно... Вы опять делаете по-своему.

— Ничего, барин, ничего, так скорее...

— Столб сломаете, и...

Тут речь его оборвалась.

Часть столба, вследствие неправильного, удара топором, с треском подломилась, столб пошатнулся, стропило выскочило из зарубков и полетело вниз, ударив Мишу всей своей тяжестью прямо по голове...

Господин Фриш, оба плотника и все остальные присутствующие в первую минуту совершенно остолбенели от ужаса — остолбенели настолько, что ни один не в состоянии был двинуться с места.

— Боже мой! — воскликнул, наконец, господин Фриш, — несчастный ребенок! Несчастливая мать!.. Какое ужасное горе ее ожидает! — и первый бросился на помощь к Мише, который лежал неподвижно.

— Доктора, скорее доктора! — закричал он,

выбежав на площадь бледный, взволнованный.

Несколько времени спустя, явился доктор и вслед затем городской; оказалось, что Миша еще жив, но что положение его настолько

безнадежно, что он может скончаться каждую минуту.

— Его надо немедленно отправить в больницу или на квартиру, — заявил доктор.

— Конечно, в больницу, — сказал господин Фриш, — насколько мне известно, мать его — женщина бедная, где ей лечить его дома?

— Лечить не придется, — прошептал доктор, ощупывая пульс несчастного мальчика, — он еле дышит...

— Постойте, господа, — вмешался в разговор все время молча стоявший около Антоша, — мне кажется, больной силится сказать что-то.

Миша действительно в эту минуту открыл глаза, обвел мутным, блуждающим взором вокруг себя и проговорил тихим, едва слышным голосом:

— Домой... к маме... к Гаше...

Желание его было исполнено, его сейчас же положили на носилки и понесли по направлению к тому дому, где находилась квартира Марии Ивановны, но господин Фриш послал предварительно Антошу предупредить ее и насколько возможно подготовить к ужас-

ной неожиданности. Марии Ивановны дома не оказалось; она только что ушла куда-то по делу.

Гаша оставалась в комнате одна, так как, по случаю воскресного дня, работы в мастерской не было; она прибрала самовар, вымыла пол, обтерла везде пыль и только что собралась идти на рынок закупить все необходимое для обеда, как вдруг услышала, что на лестнице кто-то громко всхлипывает.

— Кто там? — поспешно спросила девочка, отворила дверь и, увидав испуганное лицо Антоши, отступила назад.

— Тебя тоже, верно, исколотили и выгнали? — невольно сорвалось у нее с языка.

Антоша отрицательно покачал головой.

— Тогда что же случилось? Говори скорее?

— Миша умер... — отвечал он сквозь глухие рыдания.

— Что ты говоришь?.. Ты ошибся, этого быть не может! Или я тебя не расслышала! — воскликнула девочка пораженная подобным неожиданным известием; — он не более часа назад ушел из дому совершенно здоровый.

Антоша сделал над собой усилие, чтобы не

плакать, и в коротких словах рассказал все то, что нам уже известно.

Гаша слушала его с напряженным вниманием и, когда он замолчал, разразилась громкими рыданиями.

— Как сообщить Марии Ивановне эту ужасную новость? Она не перенесет ее! — вскричала девочка, всплеснув руками.

— А где она сейчас, дома? — спросил Антоша после минутного, тяжелого молчания.

— Нет, она ушла по делу, — отозвалась Гаша.

— И не скоро воротится?

— Часа через два, а, может, и позднее.

— Фриш распорядился, чтобы Мишу принесли сюда, да и сам Миша выразил это желание... Надо положить его на кровать... он, наверное, умрет скоро, но Марии Ивановне все же будет легче увидеть его в первую минуту, как бы больным, а не мертвым... Распорядись, Гаша, приготовь все, что надо, а я пойду его встретить.

С этими словами Антоша снова спустился с лестницы, и быстро скрылся из виду; что касается Гаши, то она, совсем растерянная, едва

держась на ногах, вернулась обратно в комнату, которая за несколько минут перед тем казалась ей такою уютною... такою веселою, — и которая теперь сразу стала такою грустной и печальной.

Присев к окну, она задумалась. В чем заключались ее думы, она не в состоянии была дать себе отчета... Долго ли она сидела на одном и том же месте — даже не помнила... и очнулась только тогда, когда услышала по лестнице топот нескольких ног.

— Это несут Мишу, — громко проговорила она.

И действительно наружная дверь скоро распахнулась, и два городских внесли носилки, на которых лежал Миша: бледный... безжизненный...

— Куда его положить? — спросил один из городских.

Гаша молча указала на кровать.

Когда городские вышли, то она, с помощью Антоши, прикрыла Мишу белым одеялом, сложила ему на груди начинавшие уже коченеть руки и, присев у изголовья кровати, принялась обдумывать, как бы лучше приго-

товить Марию Ивановну к ожидавшему ее удару...

Тяжелые думы овладели ею настолько, что она вполне им отдалась, вполне в них углубилась, и не подкараулила момента возвращения несчастной женщины, которой услужливые соседки-кумушки успели еще на лестнице рассказать все.

— Неправда... Неправда... вы лжете, быть не может! — кричала она с отчаянием, вбежав в комнату и бросившись к кровати, на которой неподвижно лежал Миша.

— Миша! Миша! — продолжала она кричать, схватив его за руку. Затем взглянула на бледное лицо сына и проговорила полусшепотом: — Закатилось мое красное солнышко! — и как сноп рухнула на пол.

В ответ на ее вопль, слышались глухие рыдания Гаши, продолжавшей по-прежнему сидеть на низенькой скамеечке, около изголовья своего названного "братишки".

Приложения

Рецензия на книгу В. Андреевской "Красное солнышко"

Сохранилась рецензия на второе издание этой повести, осуществленное издательством И. Кнебеля в 1913 г. Текст рецензии приводим дословно с сохранением устаревшей орфографии и пунктуации.

Красное солнышко. Рассказъ В. П. Андреевской. Изд. Кнебель. М. 1913 г. 81 стр. Ц. не обознач.

Подъ именемъ „Красное солнышко" выведенъ герой повѣсти, двадцатилѣтній мальчикъ гимназистъ. Онъ — сынъ бѣдной портнихи, которая изъ силъ выбивается, чтобы дать ему образованіе; она и дала ему это названіе за его мягкій и нѣжный характеръ, за раннее пониманіе тяжкаго положенія матери и стараніе облегчить его: мальчикъ, возвращаясь изъ школы, готовитъ обѣдъ, относитъ работу матери и, наконецъ, старается всѣми силами достать заработокъ, чтобы помогать матери. Наконецъ это ему удастся, благодаря его

познаніямъ въ плотничьемъ ремеслѣ, которыя онъ пріобрѣлъ еще въ дѣтствѣ, бѣгая къ плотникамъ и присматриваясь къ ихъ работѣ. Въ городъ пріѣзжаетъ циркъ; устанавливаютъ балаганъ и, такъ какъ плотники не умѣютъ исполнить наилучшую постановку стропиль, дѣвочку Глашу, служащую въ циркѣ, посылаютъ разыскивать опытнаго мастера; она спрашиваетъ встрѣчныхъ, гдѣ найти такого, и ее посылаютъ къ Мишѣ, который уже сталъ извѣстенъ кое кому въ городѣ своими искусными подѣлками. Миша идетъ, удачно исполняетъ работу и получаетъ въ награду четыре рубля, которые онъ употребляетъ на оплату помѣщенія для дрессированныхъ зайчика и голубя, оставленныхъ на его попеченіе ухавшимъ товарищемъ. Затѣмъ онъ и его мать знакомятся ближе съ дѣвочкой Глашей, которой очень тяжело у злого хозяина. Далѣе, чтобы исправить Глашину оплошность, изъ-за которой улетѣлъ дрессированный египетскій голубь, Миша выступаетъ въ циркѣ съ своими звѣрками, зарабатываетъ много денегъ. Въ то же время положеніе его матери улучшается; Глашу, вы-

гнанную хозяиномъ за голубя, семья беретъ къ себѣ; все устраивается, какъ нельзя лучше, но, при разборкѣ балагана, Мишу, распорядившагося работой, убиваетъ свалившаяся сверху стропила, и онъ умираетъ, къ великому горю матери и названной сестры.

Вотъ содержаніе повѣсти.

При ея чтеніи невольно является сомнѣніе въ правдивости образа Миши. Что-то не вѣрится въ существованіе такихъ дѣтей. Неправдоподобнымъ кажется и то, что двѣнадцатилѣтній гимназистъ, удѣляющій ремеслу только свободныя немногія минуты, указываетъ плотникамъ, какъ нужно устанавливать крышу балагана съ наибольшей быстротой и прочностью. Невѣроятнымъ кажется и выступленіе гимназиста въ циркъ, гдѣ его видятъ и узнаютъ товарищи; такимъ образомъ дебютъ этотъ не можетъ остаться въ тайнѣ отъ гимназическаго начальства, и врядъ ли мальчику удалось бы въ дѣйствительности выступить второй разъ, не подвергаясь серьезнымъ непріятностямъ въ школѣ. Между тѣмъ въ повѣсти все это совершается очень спокойно, безъ всякаго тренія.

Эти черты, противорѣчащія художественнымъ требованіямъ, дѣлають эту книгу ненужною въ дѣтской библіотекѣ.

Изданіе хорошее въ смыслѣ печати и бумаги, но рисунки отвратительны.

Что, в действительности, скрывалось за такой разгромной рецензией, объявляющей книгу "ненужной в детской библиотеке" мы наверно уже никогда не узнаем. Были ли ее причиной действительно имеющие место неувязки сюжета или цензурные соображения? Уж больно мрачной, тяжелой и беспросветной показана здесь жизнь простого человека, брошенного на произвол судьбы всемогущим Богом и добрейшим государем. Одна фраза, сказанная Гашей накануне гибели главного героя чего стоит: "Теперь, более чем когда-либо, я убеждаюсь в безграничном милосердии всемогущего Бога, Который делает все на благо человека, Который печется о нем, как отец о сыне... Который никогда не оставит его... никогда... никогда!..".

Можно поспорить с неизвестным рецензентом и по поводу рисунков, но здесь уже де-

ло личного вкуса. Для сравнения приводим иллюстрации из первого издания повести.

Иллюстрации из первого издания повести

В. П. Андреевская, "Красное солнышко".
СПб.: Издание книжного магазина
(бывш. Ф. Битепажъ) К. Фельдманъ, 1904 г.

